

ПАТЕНТЫ И ЛИЦЕНЗИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА

№ 11/2020

Ежемесячный научно-практический журнал
Издается с 1966 г.

Журнал включен в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых научных журналов

Главный редактор –

Кузнецова Нина Петровна,
член Союза журналистов России

Редколлегия:

Э.П.Гаврилов – проф. НИУ Высшая школа
экономики, докт. юрид. наук

С.А.Горленко – главный научный сотрудник
ФГБУ ФИПС, канд. юрид. наук

В.О.Калятин – главный юрист по интеллектуальной собственности Роснано, проф.
Российской школы частного права, канд.
юрид. наук

Н.Н.Карпова – проф. РАНХиГС, докт. экон. наук

Е.С.Киневская – ответственный секретарь

Л.Л.Кирий – заместитель руководителя
Роспатента

В.И.Мухомад – проф. РГАИС и МГИМО,
академик РАЕН, докт. экон. наук

Е.А.Павлова – начальник отдела
законодательства об интеллектуальных
правах Исследовательского центра частного
права им. С.С.Алексеева, канд. юрид. наук

О.А.Рузакова – проф. Финансового универси-
тета при Правительстве РФ, докт. юрид. наук

А.П.Сергеев – заведующий кафедрой граж-
данского права Санкт-Петербургского ГУ эконо-
мики и финансов, проф., докт. юрид. наук

В.Н.Синельникова – проф. НИУ Высшая
школа экономики, докт. юрид. наук

Подписано в печать 5.11.2020

Выход в свет 16.11.2020

Беспошлинное патентование. 13 октября 2020 г. принято постановление Правительства Российской Федерации № 1676 о внесении изменения в Положение о патентных и иных пошлинах. Оно закрепляет перечень юридически значимых действий, за которые с заявителя не взимаются патентные пошлины по заявке на выдачу патента на изобретение и в отношении выданного патента (при условии, что заявитель, являющийся единственным автором изобретения, обязуется заключить договор об отчуждении исключительного права в случае выдачи патента). К таким юридически значимым действиям относятся в том числе регистрация заявки на выдачу патента Российской Федерации на изобретение, принятие решения по результатам экспертизы заявки на изобретение по существу, регистрация изобретения и поддержания в силе патента на изобретение за третий, четвертый и пятый годы действия, считая с даты подачи заявки. Постановление также устанавливает число поданных в течение календарного года заявок, в отношении которых заявитель освобождается от уплаты соответствующих пошлин: теперь за год заявитель вправе подать 10 таких заявок. Постановление, подготовленное в рамках реализации федерального закона от 31 июля 2020 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающего изменение ст. 1366 ГК РФ, вступило в силу 30 октября 2020 г. Постановление публикуется на с. 70 этого номера журнала.

В номере:

СРОЧНО В НОМЕР

Экспертиза заявок на наиме-
нования мест происхождения
товаров и географические
указания. **А.Е.Сычев**2
Права на географические ука-
зания и наименования мест
происхождения товаров должны
принадлежать российским
регионам. **Э.П.Гаврилов**..... 10
XXIV международная конфе-
ренция Роспатента 12

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

О юридической модели средст-
ва массовой информации.
О.А.Городов 15

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Охрана объектов промышленной
собственности: пределы
и риски правового регулиро-
вания. **С.Г.Павликов**23
Проблемы авторства на резу-
льтаты интеллектуальной
деятельности. **В.П.Павлов** 27
Соотношение авторских прав
и прав на товарные знаки:
тенденции правового регули-
рования и практики. Часть II.
А.В.Лелётина34

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Принудительное лицензирова-
ние в сфере авторского права.
Часть I. **А.С.Ворожечин**45

О содержании понятия
«приписывание авторства».
В.С.Витко 51

СЛОВО АСПИРАНТАМ И СОИСКАТЕЛЯМ

Защита товарного знака от его
недобросовестного использова-
ния третьим лицом в доменном
имени. **Н.Н.Кириллов**57

ИННОВАЦИИ И ЭКОНОМИКА

Институт интеллектуальной
собственности в условиях
экономической интеграции.
С.А.Агамагомедова 63

ПРИЛОЖЕНИЕ

Постановление Правительства РФ
от 13 октября 2020 г. № 1676 «О внесе-
нии изменения в Положение о патен-
тных и иных пошлинах за совершение
юридически значимых действий, свя-
занных с патентом на изобретение,
полезную модель, промышленный обра-
зец, с государственной регистрацией
товарного знака и знака обслуживания,
с государственной регистрацией и пре-
доставлением исключительного права
на географическое указание, наимено-
вание места происхождения товара, а
также с государственной регистрацией
отчуждения исключительного права
на результат интеллектуальной деяте-
льности или средство индивидуализа-
ции, залога исключительного права,
предоставления права использования
такого результата или такого средства
по договору, перехода исключительно-
го права на такой результат или та-
кое средство без договора» 70

ЭКСПЕРТИЗА ЗАЯВОК НА НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

В статье **А.Е.Сычева** – канд. юрид. наук, заведующего сектором экспертизы заявок на наименования мест происхождения товаров и географические указания ФИПС (Москва, otd3005@rupto.ru), раскрываются некоторые положения гражданского законодательства, связанные с появлением нового объекта интеллектуальных прав «географическое указание», а также с изменением режима правовой охраны наименования места происхождения товара. Анализируются нормы, касающиеся экспертизы заявок на государственную регистрацию упомянутых объектов интеллектуальных прав¹.

Ключевые слова: географическое указание, наименование места происхождения товара, экспертиза заявки, публикация заявки, знак охраны.

EXAMINATION OF APPLICATIONS FOR APPELLATIONS OF ORIGIN AND GEOGRAPHICAL INDICATIONS

In the article of **A.E.Sychev**, PhD, Head of the sector of examination of applications for appellation of origin and geographical indications of the Federal Institute of Industrial Property (FIPS) (Moscow, otd3005@rupto.ru), reveals some provisions of civil legislation related to the emergence of a new object of intellectual property rights «geographical indication», as well as changes in the legal protection of the appellation of origin. The article analyzes the rules concerning the examination of applications for official registration of the mentioned objects of intellectual rights.

Key words: geographical indication, appellation of origin, examination of the application, publication of the application, protection mark.

26 июля 2019 г. был принят федеральный закон № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской

ской Федерации и ст. 1 и 23.1 федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – закон), который за исключением отдельных положений вступил в силу 27 июля 2020 г.

¹ Отдельные тезисы настоящей статьи освещались автором на семинаре «Региональные бренды России – новые точки роста», проходившем в Симферополе 25 сентября 2020 г. // <https://rospatent.gov.ru/ru/news/seminar-25092020>

закон вводит в ГК РФ новый объект интеллектуальных прав – географическое указание. Помимо этого, законом в ГК РФ внесены изменения, касающиеся режима правовой охраны наименования места происхождения товара.

Принятие закона было обусловлено прежде всего выявлением потребности в охране большого числа отечественных обозначений, указывающих на географическое происхождение товаров, которые обладают определенным качеством и репутацией, но им не могла быть предоставлена правовая охрана в качестве наименования места происхождения товара в связи с требованиями, предъявляемыми законодательством к этому объекту. Для предоставления правовой охраны таким обозначениям законом предусмотрены более мягкие требования, по сравнению с наименованием места происхождения товара, с помощью географического указания. Кроме того, включение в ГК РФ понятия «*географическое указание*» обеспечит возможность регистрации данного средства индивидуализации иностранного происхождения, охраняемого в стране происхождения не в качестве наименования места происхождения товара. В законе дано определение географического указания, установлены требования к нему, определен круг лиц, которые могут зарегистрировать и получить исключительное право на географическое указание, а также определены порядок его регистрации и правовой охраны.

**Наименование места
происхождения товара
и географическое указание:
в чем отличие?**

Что же такое географическое указание? Понятие приведено в п. 1 ст.

1516 ГК РФ. Согласно упомянутой норме географическим указанием, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара).

По своей правовой природе географическое указание схоже с наименованием места происхождения товара. И географическое указание, и наименование места происхождения товара представляют собой средства индивидуализации, позволяющие идентифицировать товары, происходящие из определенной географической местности, им предоставляется правовая охрана на основании государственной регистрации в Роспатенте, одинаков и срок действия исключительного права.

В то же время в регулировании этих объектов интеллектуальных прав есть значительные отличия, заключающиеся в следующем.

1. Наименование места происхождения товара – это словесное обозначение, представляющее собой наименование географического объекта. Географическое указание представляет собой любое обозначение, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории географического объекта.

2. Наличие наименования места происхождения товара предполагает, что маркируемый таким наименованием товар уникален настолько, что не может производиться в каком-то другом месте. Такой товар обладает особыми свойствами, которые исключительно определяются характерными для данного

географического объекта природными условиями и/или людскими факторами. Для государственной регистрации и получения исключительных прав на географическое указание необходимости наличия у товара особых свойств нет. Достаточно, чтобы товар обладал качеством, репутацией или иными характеристиками, создающими у потребителя ассоциации с определенной территорией происхождения товара.

3. Наименование места происхождения товара – это обозначение, ставшее известным в результате его использования в отношении товара. К географическому указанию требований к известности обозначения не предъявляется. Это средство индивидуализации представляет собой обозначение, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории географического объекта.

4. Для наименования места происхождения товара на территории географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, влияющие на формирование его особых свойств. Для географического указания на территории географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, влияющая на формирование его качества, репутации или иных характеристик.

5. Для регистрации наименования места происхождения товара требуется заключение федерального органа исполнительной власти о том, что в границах данного географического объекта заявитель производит товар, отвечающий требованиям п. 1 ст. 1516 ГК РФ. Для регистрации географического указания заявитель сам собирает и представляет в Роспатент документы, подтверждающие, что он производит товар, обладающий определенным качеством,

репутацией или другими характеристиками, которые в значительной степени определяются географическим происхождением товара.

С введением закона правообладатели наименования места происхождения товара и географического указания смогут использовать знаки охраны для маркировки своей продукции, сообщая всем потребителям об особом статусе и подтвержденном качестве их товара. Знаки охраны представляют собой изображения геральдического знака – эмблемы Роспатента, заключенного в кольцо с надписью по кругу: «*географическое указание*» или «*наименование места происхождения товара*», соответственно² (рис.).

Особенности экспертизы заявок на наименование места происхождения товара и географическое указание

Заявители

Наименование места происхождения товара и географическое указание могут быть зарегистрированы одним либо несколькими гражданами, одним либо несколькими юридическими лицами, а также ассоциацией (союзом) или иным объединением лиц, создание и деятельность которого не противоречат законодательству страны происхождения товара. Лицам, которые зарегистрировали географическое указание/наименование места происхождения товара, предоставляется исключительное право на него.

² Приказ Роспатента от 3 июля 2020 г. № 94 «Об утверждении знаков охраны географического указания и наименования места происхождения товара в виде эмблем» (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 28 августа 2020 г. № 59556).

Рис.

При этом исключительное право на географическое указание/наименование места происхождения товара в отношении того же географического указания/наименования места происхождения товара может быть предоставлено любому лицу, которое в границах того же географического объекта производит товар, обладающий характеристиками (для географического указания) или особыми свойствами (для наименования места происхождения товара), указанными в Государственном реестре географических указаний и наименований мест происхождения товаров Российской Федерации (далее – Госреестр). В случае предоставления исключительного права на географическое указание/наименование места происхождения товара объединению лиц право использования такого географического указания/наименования места происхождения товара предоставляется каждому лицу, являющемуся членом этого объединения и включенному в Госреестр, при условии, что такое географическое указание/наименование места происхождения товара используется в отношении товара, обладающего характеристиками/

особыми свойствами, приведенными в Госреестре.

Как видно из изложенного, важной новеллой закона является представление возможности подачи заявок на географическое указание/наименование места происхождения товара, а впоследствии и предоставление исключительного права на такое географическое указание/наименование места происхождения товара ассоциациям или иным объединениям лиц. При этом важно иметь в виду, что в объединения могут входить как непосредственно производители товара, так и лица, вводящие данный товар в гражданский оборот. Такой подход успешно применяется в мире, позволяя совместными усилиями отдельных участников рынка создавать более качественную и конкурентоспособную продукцию, в результате чего производители получают значительную прибыль, а экономика региона развивается.

Заявка на географическое указание

Заявка на государственную регистрацию географического указания³ и на

предоставление исключительного права на такое географическое указание или заявка на предоставление исключительного права на ранее зарегистрированное географическое указание должна относиться к одному географическому указанию и содержать следующие **документы и сведения:**

заявление о государственной регистрации географического указания и о предоставлении исключительного права на такое географическое указание или заявление о предоставлении исключительного права на ранее зарегистрированное географическое указание с указанием заявителя (заявителей), его (их) места жительства или места нахождения;

заявляемое обозначение;

указание товара, в отношении которого испрашивается государственная регистрация географического указания и предоставление исключительного права на такое географическое указание или только предоставление исключительного права на ранее зарегистрированное географическое указание;

указание места происхождения (производства) товара (границ географического объекта);

сведения о связи характеристик товара с местом его происхождения (производства) – только для новой регистрации;

описание характеристик товара, включая исходный материал, используемый для производства товара, физические, химические, микробиологические или органолептические характеристики товара;

описание способа производства товара, а также информацию об условиях его хранения и транспортировки, если это оказывает существенное влияние на формирование и сохранение характеристик товара;

описание порядка контроля за соблюдением условий производства и сохранением характеристик товара, в отношении которого испрашивается правовая охрана географического указания;

перечень лиц, имеющих право использовать географическое указание, если заявка подается объединением лиц, и условия использования географического указания лицами, входящими в это объединение;

сведения, подтверждающие право осуществлять деятельность по производству товара, если это предусмотрено федеральными законами.

Прилагаемые к заявкам на географическое указание документы

К заявкам на географическое указание прилагаются следующие **документы.**

Если географический объект, наименование которого заявляется в качестве географического указания, находится на территории Российской Федерации:

документы, подтверждающие, что заявитель производит товар, обладающий соответствующими характеристиками, которые в значительной степени связаны с его географическим происхождением, а также сведения, приведенные в заявке (первый абзац п. 3 ст. 1522 ГК РФ). В качестве таких документов могут быть представлены:

технические условия или стандар-

³ Подробнее об этом, а также об особенностях составления заявки на наименование места происхождения товара см.: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/webinar-rosapatent-27082020>

*ты, разработанные заявителем;
протоколы испытаний готовой
продукции;*

*публикации в различных литера-
турных, научных и исторических ис-
точниках, в средствах массовой ин-
формации;*

*копии дипломов национальных или
международных выставок, ярмарок,
на которых товары с использовани-
ем заявленного обозначения выстав-
лялись;*

*сведения о результатах опроса по-
требителей товара о наличии у това-
ра качества, репутации и других ха-
рактеристик, которые в значитель-
ной степени связаны с его географи-
ческим происхождением, проведенного
специализированной независимой ор-
ганизацией.*

Если географический объект, наиме-
нование которого заявляется в качестве
географического указания, находится за
пределами Российской Федерации:

*документы, подтверждающие со-
ответствие такого обозначения тре-
бованиям к географическому указанию,
и документ, подтверждающий исклю-
чительное право заявителя на заяв-
ляемое обозначение в стране проис-
хождения товара (пятый абзац п. 3 ст.
1522 ГК РФ).*

Публикация заявки

Еще одно важное нововведение.
После принятия заявок на географиче-
ское указание, наименование места
происхождения товара к рассмотрению
сведения о них публикуются в официа-
льном бюллетене Роспатента с целью
обеспечения возможности ознаком-
ления с ними любых лиц (п. 2 ст. 1524
ГК РФ). Одновременно с публикацией
Роспатент уведомляет о поступлении

заявок на географическое указание/
наименование места происхождения
товара органы, осуществляющие кон-
троль, высшее должностное лицо субъ-
екта Российской Федерации (руководи-
теля высшего исполнительного органа
государственной власти субъекта Рос-
сийской Федерации), наименование ко-
торого или названия географических
объектов которого заявляются в каче-
стве географического указания/наиме-
нования места происхождения товара,
а также профессиональные объедине-
ния производителей.

Оппозиция

Особенностью экспертизы заявок
на географическое указание/наиме-
нование места происхождения товара
является так называемая оппозиция –
рассмотрение возражений лиц против
предоставления правовой охраны гео-
графическому указанию/наименованию
места происхождения товара и (или)
против предоставления исключитель-
ного права на географическое указание/
наименование места происхождения
товара до принятия решения по заявке⁴.
Такие возражения может подать любое
лицо в течение трех месяцев после пу-
бликации сведений о заявке на осно-
вании п. 3 ст. 1524 ГК РФ. По результа-
там рассмотрения возражения против
предоставления правовой охраны гео-
графическому указанию/наименованию

⁴ Приказ Министерства экономического раз-
вития Российской Федерации от 17 июня 2020 г.
№ 356 «Об утверждении Порядка рассмотрения
возражений против предоставления правовой
охраны географическому указанию, наименова-
нию места происхождения товара и (или) про-
тив предоставления исключительного права на
географическое указание, наименование места
происхождения товара» (зарегистрирован Ми-
нистерством юстиции Российской Федерации
№ 59671).

места происхождения товара или против предоставления исключительного права на географическое указание/наименование места происхождения товара с учетом результатов экспертизы Роспатент принимает решение о государственной регистрации либо об отказе в государственной регистрации географического указания/наименования места происхождения товара.

Основания для отказа

В соответствии с п. 2 ст. 1516 ГК РФ нельзя зарегистрировать в качестве географического указания или наименования места происхождения товара обозначение, которое:

вошло в Российской Федерации во всеобщее употребление как обозначение товара определенного вида, не связанное с местом его производства (хотя оно и относится к наименованию географического объекта, в границах которого товар первоначально произведен или введен в гражданский оборот);

зарегистрировано в качестве географического указания или наименования места происхождения товара в отношении товара того же вида;

тождественно или сходно с товарным знаком, имеющим более ранний приоритет (при условии, что использование такого географического указания или наименования места происхождения товара способно ввести потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя);

представляет собой наименование сорта растения или породы животного (при условии, что использование такого географического указания или наименования места происхождения товара способно ввести потребителя в

заблуждение относительно товара); способно ввести потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя;

заявлено на государственную регистрацию в качестве географического указания или наименования места происхождения товара в отношении товара, стадии и границы производства которого, а также характеристики (особые свойства) не соответствуют требованиям, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Говоря об основаниях для отказа в регистрации, важно учитывать, что не все из них проверяются на стадии экспертизы (п. 1 ст. 1525 ГК РФ). В то же время возражение, поданное в порядке п. 3 ст. 1524 ГК РФ, может быть обосновано любым основанием для отказа, которые будут проверены экспертизой.

Преобразование наименования места происхождения товара в географическое указание (а также соответствующих заявок) и наоборот

Еще одна новелла – возможность преобразования наименования места происхождения товара или заявки на государственную регистрацию наименования места происхождения товара соответственно в географическое указание или заявку на государственную регистрацию географического указания (п. 3 ст. 1522.1 ГК РФ)⁵. Так, **наименование места происхождения товара может быть преобразовано в географическое указание при соблюдении следующих условий:**

представлено заявление о преобразовании, подписанное всеми право-

обладателями преобразуемого наименования места происхождения товара; представлены документы и сведения, подтверждающие, что преобразуемое наименование места происхождения товара фактически соответствует требованиям, предъявляемым к географическому указанию;

представлены иные сведения, отсутствующие в Госреестре, предусмотренные для внесения при государственной регистрации географического указания;

уплачена пошлина.

Географическое указание может быть преобразовано в наименование места происхождения товара при условиях, что:

представлено заявление о преобразовании, подписанное всеми правообладателями преобразуемого географического указания;

представлены документы и сведения, подтверждающие соответствие преобразуемого географического указания требованиям, предъявляемым к наименованию места происхождения товара;

приложено заключение уполномоченного органа, подтверждающее, что правообладатель преобразуемого объекта производит товар, особые свойства которого исключительно

определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами (для географических объектов, находящихся на территории Российской Федерации);

приложен документ, подтверждающий право на наименование места происхождения товара в стране происхождения товара (для географических объектов, находящихся за пределами Российской Федерации);

к заявлению о преобразовании приложены документы, подтверждающие известность такого наименования в отношении товара;

представлены иные сведения, отсутствующие в Госреестре, предусмотренные для внесения при государственной регистрации наименования места происхождения товара;

уплачена пошлина.

Условиями для преобразования заявок на регистрацию географического указания в наименование места происхождения товара и наоборот являются:

соблюдение срока подачи соответствующего ходатайства, которое должно быть подано до принятия решения по преобразуемой заявке;

ходатайство о преобразовании заявки, подписанное всеми заявителями по преобразуемой заявке;

представление сведений и документов, необходимых для регистрации объекта, правовая охрана которого будет испрашиваться после преобразования;

уплата пошлины.

Ознакомление с материалами заявки

П. 4 ст. 1524 ГК РФ предусматрива-

⁵ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 399 «Об утверждении Порядка преобразования наименования места происхождения товара или заявки на государственную регистрацию наименования места происхождения товара соответственно в географическое указание или заявку на государственную регистрацию географического указания и наоборот, а также формы ходатайства о преобразовании наименования места происхождения товара в географическое указание и формы ходатайства о преобразовании географического указания в наименование места происхождения товара» (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации № 59618).

ется, что после опубликования сведений (см. раздел «Публикация заявки» в настоящей статье) любое лицо вправе ознакомиться с документами заявки⁶.

⁶Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 10 июля 2020 г. № 417 «Об утверждении Порядка ознакомления с документами заявки на географическое указание, наименование места происхождения товара и выдачи копий таких документов, форм ходатайств об ознакомлении с документами, являющимися основанием для осуществления юридически значимых действий по государственной регистрации географического указания, наименования места происхождения товара и предоставлению исключительного права на такое географическое указание, наименование, а также по предоставлению исключительного права на ранее зарегистрированное географическое указание, наименование места происхождения товара» (зарегистрирован Минюстом России 3 сентября 2020 г. № 59634).

В заключение хочется выразить надежду, что приведенная в статье информация будет полезна для понимания особенностей нового объекта интеллектуальных прав – географического указания.

Список литературы

1. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный)/Отв. ред. Е.А.Павлова. М., 2018.*
2. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный)/Отв. ред. Л.А.Трахтенгерц. М.: юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2009.*

ПРАВА НА ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ И НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ ДОЛЖНЫ ПРИНАДЛЕЖАТЬ РОССИЙСКИМ РЕГИОНАМ

Автор статьи Э.П.Гаврилов – докт. юрид. наук, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Юридического института Томского государственного университета, профессор-исследователь департамента частного права Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва, sirill@mail.ru), полагает, что необходимо усовершенствовать систему прав на географические указания и наименования мест происхождения товаров.

Ключевые слова: географическое указание, наименование места происхождения товара, совершенствование законодательства, российский регион, административное право.

THE RIGHTS TO GEOGRAPHICAL INDICATIONS AND APPELLATION OF ORIGIN HAVE TO BELONG TO THE RUSSIAN REGIONS

The author of the article E. P. Gavrillov – Doctor of Law, Leading researcher at the Scientific and Educational Center «Intellectual property and intellectual rights» of the Law Institute of Tomsk State University, Research Professor at the Department of private law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, sirill@mail.ru), believes that it is necessary to improve the system of rights to geographical indications and appellation of origin of goods.

Key words: geographical indication, appellation of origin, improvement of legislation, Russian region, administrative law.

Право на географические указания в течение нескольких лет является самым обсуждаемым вопросом в российской научной литературе по праву интеллектуальной собственности. Это право в полной мере вступило в силу в июле 2020 г. Оно очень широко обсуждается и пропагандируется. Вероятно, не имеет смысла анализировать все публикации на эту тему. Однако следует отметить статьи руководителя Роспатента Г.П.Ивлиева, проф. О.А.Городова, докт. юрид. наук В.И.Еременко, канд. юрид. наук Ю.Т.Гульбина. Назову только последние работы¹. Право на географические указания действительно является чрезвычайно важным и актуальным. Владельцами этих прав должны быть российские регионы.

Права на географические указания и наименования мест происхождения товаров охраняются в нашей стране с 1 июля 1965 г. Однако в СССР правовой потребности в этих правах не существовало, и потому в отечественном законодательстве они не были отражены. Имеются два международных договора Российской Федерации, которые обязывают нашу страну ввести правовую защиту географических указаний и наименований мест происхождения

товаров. Именно правовую защиту, а не правовую охрану, то есть принимать меры, когда это право нарушается, не соблюдается. Эти международные соглашения – Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. и Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (ВТО) 1994 г., содержащее

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Наша страна вступила в ВТО 22 августа 2012 г.

По сути и географические указания, и наименования мест происхождения товаров – это единый объект, предусматривающий высокое качество и высокую репутацию товара. Права на географические указания и наименования мест происхождения товаров являются публичными (административными) правами. Это не гражданские права. Российское законодательство должно это признать и подвергнуться соответствующим изменениям. Владельцами этих прав должны быть российские регионы, либо отдельные субъекты Российской Федерации, либо отдельные территории этих субъектов (города, поселки и прочие населенные пункты). Эти субъекты должны быть носителями административного права на географические указания и наименования мест происхождения товаров. Именно эти субъекты должны выдавать лицензии (разрешения) на использование этих прав.

В литературе указано, что эксперти-

¹ Гаврилов Э.П. Нужна принципиально новая правовая система для географических указаний и наименований мест происхождения товаров// Хозяйство и право. 2020. № 5; Географические указания – основа будущего развития российских регионов//Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 8. С. 3.

за и регистрация географического указания будет стоить 29,5 тыс. руб.² Но в эту стоимость не входит получение свидетельства о регистрации. Вряд ли кто-нибудь будет регистрировать географические указания без получения этого красивого свидетельства. Поэтому, вероятно, российская регистрация обойдется в 30 тыс. руб. (без учета расходов на патентного поверенного). Полагаю, что большая часть этой суммы должна выплачиваться российским регионам, то есть Роспатент должен перечислять им часть полученных от заявителей средств.

В заключение – мои **предложения по усовершенствованию права на географические указания и наименования мест происхождения товаров следующие.**

² Географические указания – основа будущего развития российских регионов//Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 8. С. 3.

Это должно быть публичное, то есть административное право.

Оно должно принадлежать российскому региону.

Оно должно предусматривать только защиту, а не охрану прав.

Российский регион должен выдавать разрешения изготовителям товаров с высоким качеством и с высокой репутацией, а Роспатент должен выступать как единый общегосударственный регистрирующий орган.

Список литературы

1 Гаврилов Э.П. Нужна принципиально новая правовая система для географических указаний и наименований мест происхождения товаров//Хозяйство и право. 2020. № 5.

2. Географические указания – основа будущего развития российских регионов//Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 8.

XXIV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОСПАТЕНТА

20–21 октября с. г. состоялась традиционная XXIV международная конференция Роспатента «Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях». Она стала главной площадкой для обсуждения актуальных вопросов развития сферы интеллектуальной собственности, управления системными изменениями предпринимательской среды, международного сотрудничества, цифровизации, современной патентной аналитики, охраны и защиты интеллектуальных прав.

В работе конференции приняли участие свыше 3000 человек из

26 стран мира и 59 российских регионов. Среди них – представители ВОИС,

ЕАПВ, органов государственной власти, иностранных патентных ведомств, общественных организаций и бизнес-сообщества, а также изобретатели, патентные поверенные, юристы.

В рамках конференции проведено 19 форумов, круглых столов, секций и дискуссий. В том числе: мероприятия, посвященные современной патентной аналитике, изменениям в законодательстве о географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров. Состоялось открытие выставки «Инновации для «зеленого» будущего». Одной из главных тем конференции стала защита прав интеллектуальной собственности при обращении лекарственных препаратов, в том числе проблема так называемых вечнозеленых патентов. Специалисты Роспатента и ФИПС в ходе дискуссий поделились с участниками конференции сведениями о заявках и выданных патентах на изобретения и лекарственные препараты, направленные на борьбу с распространением коронавирусной инфекции.

Заместитель руководителя Роспатента **Л.Кирий** провела секцию «Географическое указание как новый объект Гражданского кодекса Российской Федерации. Последние изменения законодательства в части наименований мест происхождения товаров». Она отметила, что принятие закона о географических указаниях прежде всего обусловлено выявлением потребности в правовой охране большого числа российских обозначений, указывающих на географическое происхождение товаров, которые обладают определенным качеством и репутацией, но не могут быть зарегистрированы как наименования мест происхождения товаров в связи с жесткими требованиями законодательства. Число зарегистрированных

наименований мест происхождения товаров с 1992 г. (когда в России появилась их правовая охрана) и до настоящего времени незначительно (250, из них российских – 205). Это не отражает реальные потребности в охране обозначений, сопровождающих традиционные товары российских производителей. За три месяца с момента вступления в силу Федерального закона Российской Федерации от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ о географических указаниях уже поступило 28 заявок на их государственную регистрацию. Это дает основание считать принятие закона своевременным и востребованным.

Модератором малого форума «Инфраструктура доверия: сотрудничество Роспатента с регионами» выступил заместитель директора ФИПС **А.Суконкин**. В его работе участвовали представители Минэкономразвития России, Роспатента, ФИПС, Министерства экономики Республики Татарстан, Национальной ассоциации трансфера технологий, а также региональных организаций из Татарстана, Ульяновской и Кемеровской областей и других регионов. Обсуждались проблемы реализации трехсторонних соглашений, коммерциализации интеллектуальной собственности в регионах, взаимодействия с региональным бизнес-сообществом, надстройки маркетинговых и бизнес-траекторий деятельности в сфере интеллектуальной собственности и др.

Модератором онлайн-форума «Цифровая трансформация сферы интеллектуальной собственности в контексте достижения национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.» стал заместитель руководителя Роспатента **Ю.Зубов**. Заместители руководителей федеральных ведомств, ответственные за проведение цифро-

вой трансформации, и представители бизнеса обсудили развитие создаваемых Роспатентом цифровых платформ и сервисов в краткосрочной перспективе, а также направления и ключевые технологии цифровизации ведомства.

Статс-секретарем – заместителем министра энергетики Российской Федерации **А.Бондаренко** были предложены меры по удовлетворению потребностей профессионального сообщества в ходе разработки цифровых сервисов. Среди них – необходимость оповещения об изменении правового статуса объектов интеллектуальной собственности и сроков уплаты госпошлины за продление срока их действия, перевод цикла документооборота в электронный формат.

Заместитель руководителя Росимущества **А.Приданкин** предложил расширить межведомственное взаимодействие в части дополнения набора сведений о депонированных в Роспатенте программах для ЭВМ и базах данных. Первым шагом к такому взаимодействию может стать дополнение Единого реестра Минкомсвязи российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных информацией о правовом статусе содержащихся в нем объектов.

Участники дискуссии отметили, что при реализации мер, направленных на цифровую трансформацию ведомства, важно учитывать проактивность разрабатываемых сервисов, гармонизацию процессов межведомственного взаимодействия и настройку обмена качественными данными, повышение компетенций и изменение мышления

сотрудников.

Заместитель директора ФИПС **Т.Эриванцева** и первый заместитель генерального директора Российского фонда прямых инвестиций **Т.Ситдеков** провели секцию «Роспатент против COVID-19. Нормы патентного законодательства для защиты прав интеллектуальной собственности при обращении лекарственных средств». Т.Эриванцева рассказала участникам секции о мерах, предпринимаемых Роспатентом в сфере интеллектуальной собственности в связи с пандемией COVID-19. Так, с апреля по сентябрь 2020 г. российские изобретатели подали 340 заявок на изобретения и полезные модели, созданные для борьбы с вирусами и сопутствующими заболеваниями. Выдано 60 патентов на изобретения и полезные модели. Среди них 6 патентов на вакцину, 7 – на лекарства для лечения и профилактики COVID-19 и его осложнений, 11 – на диагностические тест-системы и методы диагностики, 26 – на дезинфицирующие технологии и 6 патентов на средства индивидуальной защиты. Заявки на такие изобретения рассматриваются в среднем в течение 22 дней по ускоренной процедуре.

В рамках конференции также прошли консультации по электронной подаче заявок и патентному поиску. Специалисты ФИПС ответили на вопросы участников конференции о наполнении патентных баз данных, возможностях и преимуществе электронного взаимодействия с ведомством.

По материалам сайта
<https://rospatent.gov.ru>

О ЮРИДИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

МНЕНИЕ
СПЕЦИАЛИСТА

*В статье проф. кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, докт. юрид. наук **О.А.Городова** (Санкт-Петербург, gorodovoleg@gmail.com) дается характеристика юридической модели, положенной в основу одного из важнейших институтов информационного права, именуемого средством массовой информации. Автор оценивает имеющиеся в литературе отдельные интерпретации указанного института и показывает наиболее значимые различия между периодическими печатными изданиями и некоторыми объектами авторских прав.*

Ключевые слова: средство массовой информации, периодическое печатное издание, правосубъектность, объект права, журнал.

ABOUT THE LEGAL MODEL OF MASS MEDIA

*In the article of **O.A.Gorodov**, Doctor of Law, Professor Department of Commercial Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, gorodovoleg@gmail.com) the the legal model that forms the basis of one of the most important institutions of information law, called the mass media are described. The author evaluates the individual interpretations of this Institution available in the literature and shows the most significant differences between periodical publications and certain objects of copyright.*

Key words: mass media, periodical printed publication, legal personality, object of law, magazine.

Несмотря на довольно длительный период своего существования в качестве юридически значимого элемента российского информационно-правового ландшафта, юридическая модель, лежащая в основе средства массовой информации (СМИ), по-прежнему заключает в себе массу противоречий как теоретического, так и практического свойства. Наиболее явственно эти противоречия обнаруживаются при сравнении норм федерального закона «О средствах массовой информации»

от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (далее – Закон о СМИ) с нормами гражданского законодательства, в частности, с правилами, регулирующими отношения в сфере интеллектуальной собственности.

Как известно, исходное содержание понятия средства массовой информации получило современное оформление в ст. 2 Закона о СМИ, согласно которой «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал,

радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)».

В приведенном определении роль ключевого элемента отведена законодателем обобщающей формуле средства массовой информации, в качестве которой использовано словосочетание «форма периодического распространения массовой информации». Указанную форму применительно к различным вариантам распространения законодатель дезагрегирует на частные формы периодического распространения массовой информации, в которых на практике и осуществляется такое распространение. В частности, под периодическим печатным изданием понимается газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное наименование (название), текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год. Под радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное наименование (название) и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год.

Обращение к основным понятиям, используемым в Законе о СМИ, показывает, что они носят специфический характер, хотя и камуфлируются под признанные юридической доктриной параметры, являющиеся элементами гражданских правоотношений. В результате традиционная цивилистическая терминология, использование которой представляется в данном случае оправданным, замещается в Законе о СМИ не раскрытыми должным образом и имеющими множество значений и смысло-

вых оттенков понятиями типа «газета», «журнал», «альманах», «бюллетень», «аудиовизуальное сообщение», «совокупность материалов» и т.п.

Чтобы удостовериться в этом, достаточно проследить предложенную законодателем лексическую траекторию идентификации той либо иной разновидности средства массовой информации, на примере, скажем, журнала, который одновременно выступает в роли одной из форм периодического распространения информации, одним из видов периодического печатного издания или может быть представлен в качестве его отдельного номера. Как форма распространения информации журнал выступает в роли элемента, являющегося частью системы коммуникации, который содержит воспроизведенную письменную и иную визуально воспринимаемую информацию. Как отдельный номер журнал представляет собой материальный носитель (экземпляр), в котором объективирована (воплощена, выражена) какая-либо информация, например, литературное произведение.

Следует отметить, что законодатель, несмотря на преимущественно публично-правовой характер нормативного материала, составляющего содержание Закона о СМИ, использует при формулировке отдельных нормативных предписаний выражения из частного правового лексического инструментария. Подобное использование, правда, не всегда корректное, объясняется тем, что закрепленные в Законе о СМИ легальные понятия имеют юридически значимые и устоявшиеся синонимы как в гражданском законодательстве в целом, так и в законодательстве об интеллектуальной собственности, в частности. Такими синонимами понятия «средство массовой информации» вы-

ступают, например, гражданско-правовые понятия субъекта и объекта права, сообщения в эфир или по кабелю телепередач и т.п.

Некорректное использование в Законе о СМИ отдельных правовых понятий не только влечет наделение средства массовой информации несуществующими юридическими признаками, но и создает специфический правовой контекст, выходящий за пределы науки гражданского права. Это, как представляется, придает отдельным правилам, сформулированным в Законе о СМИ и других законах, регламентирующих отношения, связанные с использованием средств массовой информации, внаучный¹, с юридической точки зрения, характер и способствует принятию некорректных административных и судебных решений в процессе правоприменения.

Сказанное можно продемонстрировать примерами ложного наделения средства массовой информации признаками правосубъектности. Так, глава II Закона о СМИ называется «Организация деятельности средств массовой информации», ст. 16 – «Прекращение и приостановление [деятельности средства массовой информации]». Согласно ст. 23 Закона о СМИ на информационные агентства одновременно распространяется статус редакции, издателя, распространителя и правовой режим средства массовой информации. В ст. 35 Закона о СМИ закреплена норма, согласно которой государственные средства массовой информации обязаны публиковать сообщения и материалы федеральных органов государственной власти и органов государственной вла-

¹ Внаучный по цивилистическим представлениям характер отдельных правил, содержащихся в Законе о СМИ, разумеется, не означает их ненаучности с позиций иных отраслей знаний.

сти субъектов Российской Федерации.

В ст. 5 федерального закона от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» сформулировано правило, в соответствии с которым государственные федеральные аудиовизуальные средства массовой информации обязаны обеспечивать распространение теле- и радиoproграмм в полном объеме не менее чем по одному общероссийскому телеканалу и одному общероссийскому радиоканалу в удобное для телезрителей и радиослушателей время, но не позднее, чем через 24 часа с момента совершения соответствующих событий.

Среди отмеченных выше примеров особо выделяются информационные агентства, наделенные законодателем юридическими признаками субъектов и объектов права одновременно. На практике информационные агентства создаются и функционируют в установленных гражданским законодательством организационно-правовых формах. Например, Информационное телеграфное агентство России (ИТАР ТАСС) действует в организационно-правовой форме государственного унитарного предприятия².

Вносят свою лепту в признание средства массовой информации в качестве субъекта права и отдельные представители юридической науки. Например, А.В.Минбалева, рассматривая особенности саморегулирования СМИ, полагает, что: «*В качестве основных причин для развития саморегулирования СМИ можно указать уменьшение государственного контроля над функциониро-*

² См.: устав Информационного телеграфного агентства России (ИТАР ТАСС)//Docs.cntd.ru/document/9005834

ванием СМИ, сохранение редакционной свободы, повышение качества СМИ и ответственности за распространяемую информацию, обеспечение доступа потребителей к продукции СМИ»³. Как известно, под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. Вызывает сомнение, что журнал, газета или телепрограмма способны выступать в номинации разработчиков каких-либо стандартов и правил.

Ситуацию с ложной правосубъектностью средств массовой информации в некоторой степени проясняет достаточно уклончивая правовая позиция пленума Верховного суда Российской Федерации. Согласно этой позиции, получившей отражение в постановлении от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: *«Под средством массовой информации понимается форма периодического распространения массовой информации, в том числе периодическое печатное издание, радио- и телепрограмма. С учетом этого само по себе средство массовой информации не может иметь каких-либо прав и обязанностей и, соответственно, не является лицом, участвующим в деле (статья 34 ГПК РФ)»*. Как представляется, одному из высших юрис-

дикционных органов не удалось в своих разъяснениях существенно поколебать представления общественности о средствах массовой информации как о субъектах права, сложившиеся, например, при ознакомлении с нормой, содержащейся в ст. 35 Закона о СМИ, которая обязывает государственные средства массовой информации публиковать материалы публичных органов государственной власти.

Другая точка зрения – отождествление средства массовой информации с объектом права, то есть признание за указанным средством качеств правообъектности⁴. Среди специалистов в области информационного права подобный подход доминирует. Его разделяют, в частности, М.А.Федотов⁵ и А.И.Нестеров⁶.

В связи с причислением СМИ к объектам права возникает вопрос: **к какой разновидности объектов гражданских прав может быть отнесена указанная форма распространения массовой информации, например, журнал или телепрограмма?** Для ответа на него необходимо обратиться к действующему гражданскому и информационному законодательству.

Среди объектов гражданских прав, перечень которых закреплен в ст. 128 ГК РФ и под которыми чаще всего в цивилистике понимают различные материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты гражданского

⁴ Термин «правообъектное благо» введен в научный оборот В.А.Лапачем. См.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 166.

⁵ Информационное право: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры/Под ред. М.А.Федотова. М., 2019. С. 185, 186, 187 и др. (автор главы – М.А.Федотов).

⁶ Нестеров А.И. Средства массовой информации в контексте правосубъектности//Юридические исследования. 2018. № 4. С. 9.

³ Минбалеев А.В. Особенности саморегулирования средств массовой информации// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2014. № 3. С. 98.

права вступают в правоотношения, нет объекта, именуемого формой распространения информации, как, впрочем, нет и самой информации. Поскольку журнал по смыслу Закона о СМИ является формой распространения массовой информации, то для признания этой формы объектом гражданских прав необходимо определиться, к какой разновидности благ он относится.

Как отмечалось выше, журнал не только форма распространения информации, но и печатное издание, а каждый отдельный его экземпляр, кроме того, является материальным носителем информации. В данном случае мы можем сделать вывод о том, что журнал, точнее, его экземпляр, с позиций гражданского законодательства относится к объектам гражданских прав, определенных в законе под именем вещей.

Что касается телепрограммы, то, используя несколько иную схему рассуждений, определим разновидность объектов гражданских прав, к которой относится совокупность периодических аудиовизуальных сообщений и материалов (передач). Как известно, сообщения в эфир или по кабелю радио- или телепередач согласно п. 1 ст. 1225 ГК РФ отнесены к результатам интеллектуальной деятельности, которые по законодательству Российской Федерации считаются интеллектуальной собственностью. Указанная норма конкретизирована в отношении сообщений передач организаций эфирного или кабельного вещания в п. 1 ст. 1304 ГК РФ, который перечисляет объекты смежных прав. Таким образом, телепрограмму, имеющую постоянное название и выходящую в эфир не реже одного раза в год, следует считать совокупностью объектов смежных прав, включающей сообщения организаций эфирного или кабельного

вещания, в том числе передач, созданных самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу за счет другой организации.

Но это формальный подход к отнесению отдельных видов средств массовой информации к числу объектов гражданских прав. При таком подходе упускается из виду содержательная характеристика журнала или телепрограммы как информационных продуктов, как установленных законом форм обнародования различных сведений, которые также могут быть объектами гражданских прав, но уже с иным, чем вещи, правовым режимом. В известной мере указанный пробел восполняется в информационном законодательстве и доктрине.

Информационное законодательство, в отличие от гражданского, не содержит специально зафиксированного числа объектов, по поводу которых публичные образования, юридические и физические лица вступают в информационные правоотношения. Однако согласно части 1 ст. 5 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может быть объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. В данном случае термин «*объект гражданского правового отношения*» мы считаем синонимом термина «*объект гражданских прав*», поскольку объекты гражданских прав по общему правилу являются и объектами соответствующих обязанностей. Совокупность указанных прав и обязанностей принято рассматривать в качестве содержания гражданских правоотношений.

В рамках такого подхода к информации можно говорить, что содержательная часть печатного издания, как

и содержательная часть телепрограммы, представленные различными сведениями письменного или визуального характера, также могут рассматриваться как объекты гражданских прав с позиций информационного законодательства. При этом следует иметь в виду, что журнал или телепрограмма могут содержать как охраняемые информационные продукты, например, литературные произведения, так и не охраняемую авторским правом информационную продукцию, например, сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер.

Журнал и телепередача также являются объектами информационных правоотношений, в качестве которых мы предлагаем рассматривать блага, существующие в формах информации, документированной информации и информационных систем, по поводу которых возникает и осуществляется деятельность участников этих правоотношений⁷. При этом информация всегда находится в связи с тем либо иным материальным носителем, в том числе физическим полем и инвариантна ему. Такая трактовка информации допускает существование комбинированных объектов информационного права, включающих одновременно как материальные, так и нематериальные компоненты. Применяя терминологию, используемую в физике, можно сказать, что имеет место гетерогенность объекта информационного права, характеризующая наличием разнородных по природе компонентов, входящих в его состав. При этом соблюдается принцип независимости прав на указанные компоненты, закрепленный в ст. 1227 ГК РФ, согласно которому интеллектуальные права не зависят от права собственности и

иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Комбинированные объекты не являются сложными объектами по смыслу ст. 1240 ГК РФ, поскольку последние не отнесены к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, хотя и должны включать несколько таких результатов, имеющих нематериальный характер.

Важным аспектом при рассмотрении правовых характеристик СМИ является оценочное сравнение последних с охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации. В юридической литературе указанное сравнение наиболее отчетливо представлено в оригинальных интерпретациях СМИ, нашедших отражение в работах М.А.Федотова⁸. Обратимся к одной из гипотез, сформулированных их автором, вероятно, в учебных целях, на основе разделяемого им взгляда на принадлежность средств массовой информации к объектам права.

По мнению М.А.Федотова: «*Согласно п. 7 ст. 1260 ГК РФ газеты, журналы и другие периодические печатные издания являются самостоятельными объектами авторского права, право на использование которых принадлежит издателю, то есть лицу, осуществляющему их выпуск (издание)*»⁹. На наш взгляд, данная гипотеза, несмотря на заложенные в ней заманчивые

⁸ См.: Информационное право: Учебник/Под ред. акад. РАН Б.Н.Топорнина. 2-е изд. СПб., 2005. С. 299–301 (автор главы – М.А.Федотов); Информационное право: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры/Под ред. М.А.Федотова. М., 2019. С. 185–187 (автор главы – М.А.Федотов).

⁹ Информационное право: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры/Под ред. М.А.Федотова. М., 2019. С. 186.

⁷ См.: Городов О.А. Информационное право: Учебник для бакалавров. 2-е изд. М., 2016. С. 54.

перспективы расширения круга объектов авторско-правовой охраны, не предваряется какой-либо убедительной аргументацией, принятой в рамках концептуальной системы правовой охраны интеллектуальной собственности.

Прямое отнесение комбинированных с позиции информационного права объектов, к которым относятся периодические печатные издания, к объектам авторско-правовой охраны наделяет их качествами, характерными только для идеальных объектов. Подобное отнесение, как представляется, не только вступает в конфликт с нормами, закрепленными в ст. 1259 ГК РФ, которые содержат ключевые признаки объектов авторских прав, но и противоречит правилу первого абзаца п. 7 ст. 1260 ГК РФ. Согласно этому правилу *«издателю энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий принадлежит право использования таких изданий»*.

В процитированном правиле речь идет о праве использования комплексных с позиций информационного права объектов, к которым, как было отмечено выше, относятся газеты и журналы. Право использования периодического издания не является аналогом исключительного права на использование произведения. В отличие от последнего, определяющего юридические возможности правообладателя в отношении конкретных способов использования произведения, право использования периодического издания исходя из его объема и содержания действующим законодательством должным образом не раскрыто. Во всяком случае оно, как представляется, является производным от исключительного права авторов произведений, входящих в «интел-

лектуальную» часть издания. В литературе его иногда и, видимо, по инерции относят к разряду исключительных, поскольку прежде в ст. 11 закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» оно именовалось исключительным¹⁰.

На наш взгляд, законодатель в процессе кодификации законодательства об интеллектуальной собственности логично поменял режим использования изданий с исключительного на обычный. В противном случае исключительное право использования изданий, носящее имущественный характер, могло бы участвовать в гражданском обороте посредством его отчуждения или предоставления права использования по лицензионному договору, на него можно было бы обращать взыскание, вносить в качестве вклада в уставный или складочный капитал хозяйственных обществ и товариществ и т.п. без должного учета прав и охраняемых законом интересов обладателей исключительных прав на произведения, включенные в соответствующие печатные издания.

Кроме того, режим исключительного права по смыслу действующего законодательства распространяется не на периодические издания, а на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Издатель периодических печатных изданий не наделяется по умолчанию и правомочием на запрет другим лицам использовать опубликованные в газете или журнале произведения. Указанным негативным правомочием издатель может обладать только при условии

¹⁰ См.: Гаврилов Э.П., Городов О.А., Гришаев С.П. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая. М., 2007. С. 135. (автор комментария к главе 70 – Э.П.Гаврилов); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: Учебно-практ. коммент./Под ред. А.П.Сергеева. М., 2016. С. 166–167 (автор комментария к статье 1260 – А.П.Сергеев).

передачи ему исключительного права на произведение в целом или исключительных правомочий на его воспроизведение и распространение. Право использования издания, принадлежащее издателю, не подлежит исчерпанию в смысле ст. 1272 ГК РФ, хотя распространением экземпляров произведения занимается по общему правилу не правообладатель, например, автор или работодатель автора, а издатель.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**. Журнал или газета независимо от их достоинств – это не произведение, которое считается благом нематериальным, созданным в результате творческого труда автора. Периодические печатные издания – результат в большей степени репродуктивных, а не творческих усилий. Журнал или газета представляют собой не более чем физическую субстанцию, обладающую вещественной формой, в которой иждивением издателя (редакции) воплощены различные сведения, включающие в том числе произведения, являющиеся объектами авторско-правовой охраны. Журнал или газета – это один из возможных агрегаторов, с помощью которого объективируются, а затем доводятся до всеобщего сведения отдельные объекты авторского права, а не сам объект авторского права. Говоря иначе, периодические печатные издания, несомненно, играющие важную роль в общественной жизни, по своей природе не могут и не должны признаваться объектами, дополняющими, в том числе в учебных целях, семейство объектов авторского права, механизмы правовой охраны и использования которых основаны на их нематериальном характере. Все попытки отождествления периодических печатных изданий с объектами авторского права должны учитывать это обстоятельство.

Завершая краткий анализ действующей юридической модели средств массовой информации, отметим, что каждое из них представляет собой не однородный с позиций информационного права объект, а сложное, комплексное образование, подлежащее корректной правовой оценке доктриной, законодателем и юрисдикционными органами, которая должна соответствовать характеру и юридической природе того либо иного средства массовой информации.

Список литературы

1. Гаверилов Э.П., Городов О.А., Гришаев С.П. и др. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая*. М., 2007.
2. Городов О.А. *Информационное право: Учебник для бакалавров*. 2-е изд. М., 2016.
3. *Информационное право: Учебник/Под ред. акад. РАН Б.Н.Топорнина*. 2-е изд. СПб., 2005.
4. *Информационное право: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры/Под ред. М.А.Федотова*. М., 2019.
5. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: Учебно-практ. коммент./Под ред. А.П.Сергеева*. М., 2016.
6. Лапач В.А. *Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика*. СПб., 2002.
7. Минбалева А.В. *Особенности саморегулирования средств массовой информации//Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право*. 2014. № 3. 8.
8. Нестеров А.И. *Средства массовой информации в контексте правосубъектности//Юридические исследования*. 2018. № 4.

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРЕДЕЛЫ И РИСКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА,
ПРОБЛЕМЫ

Субстанции с сильным искусственным интеллектом формируются на основе технологий, которым предоставлен различный режим правовой охраны (для изобретения – патентная форма, для программного обеспечения – программы для ЭВМ). В статье С.Г.Павликова – докт. юрид. наук, проф., руководителя департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, spavlikov@fa.ru), предпринята попытка обосновать суждение о том, что при всей спорности этого вопроса расширение сферы патентной охраны для компьютерных программ необходимо. Во-первых, проблему абстрактности программы как алгоритма нередко обходят, представляя ее составной частью способа, что приближает нас к формуле изобретения и позволяет получать патенты. Во-вторых, риски, которые несет в себе искусственный интеллект (например, участие в выборах не избирателя, а цифровой копии и т.п.), обуславливают целесообразность такой трансформации правового регулирования.

Ключевые слова: объект промышленной собственности, предпринимательское право, интеллектуальный интеллект, цифровая экономика, патентное право, патентная система.

PROTECTION OF OBJECTS OF INDUSTRIAL PROPERTY: THE LIMITS AND RISKS OF LEGAL REGULATION

Substances with strong artificial intelligence are formed on the basis of technologies that are granted different legal protection (for inventions – patents, for software – computer programs). In the article of S.G.Pavlikov, Doctor of Law, Professor, Director of the Department of legal regulation of economic activity, Faculty of law, Financial University under the Government of the Russian Federation (spavlikov@fa.ru, Moscow), an attempt is made to justify the judgment that, while this issue is controversial, it is necessary to expand the scope of patent protection for computer programs. First, the problem of abstractness of the program as an algorithm is often avoided by presenting it as an integral part of the method, which brings us closer to the patent claims and allows to obtain patents. Secondly, the risks that artificial intelligence carries (for example, participation in elections not of a voter, but of a digital copy, etc.) determine the feasibility of such a transformation of legal regulation.

Key words: industrial property, business law, artificial intelligence, digital economy, patent law, patent system.

Автор статьи не разделяет утверждения о том, что право, в том числе предпринимательское, оказалось не готово к реалиям цифровой

экономики. Очевидно, что принять закон труда не составляет. Вопрос в том, что не все сферы общественных отношений следует как можно скорее урегу-

лироваться правом и не все эти сферы в принципе могут быть подвержены воздействию такого социального регулятора. В этом плане отсутствие законодательного регулирования статуса субстанции, которую наиболее часто характеризуют как искусственный интеллект, свидетельствует о том, что государство пока не готово закрепить такой статус, включая основания, виды и меры ответственности такого потенциального субъекта предпринимательских отношений как сильный искусственный интеллект. Однако это не исключает поэтапного движения к решению данного принципиального вопроса.

Так, активно формируется правовой механизм использования цифровых технологий¹, разработаны, в частности, соответствующие дорожные карты и т.п.². Здесь мы тоже смотрим вперед и согласны с тем, что *«взгляд, постоянно направленный вниз, может представлять опасность для жизни... Речь о пешеходах, переходящих улицу «без отрыва» от экрана, а также водителях, отвлекающихся от дороги, чтобы прочитать сообщение»*, и уменьшить соответствующие риски могут, к примеру, *«очки дополненной реальности»*³, при создании которых использованы объекты промышленной собственности.

Почему именно объекты промышленной собственности стали предме-

том настоящей статьи? Ответ (не без элементов наивности в суждениях) заключается в том, что это идеальный, если так можно выразиться, наиболее честный вариант предпринимательства: изобретение, получение патента, его коммерческое использование. Ты не перепродал семь раз товар, а зарабатываешь деньги, как в известной интерактивной игре «Интеллектуальное казино», своим собственным умом. Два объекта промышленной собственности: изобретение и мини-изобретение – полезная модель, могут показаться в этом плане идеальными объектами для интеллектуального предпринимательства.

Разумеется, на практике все намного сложнее. Прежде всего, объекты, за которыми будущее, станут теми субстанциями с сильным искусственным интеллектом, формируемыми на основе технологий, которым предоставлен различный режим правовой охраны (для изобретения – патентная форма, для программного обеспечения – авторская с де-факто презюмируемой юридической охраной). Но только совокупность объектов промышленной собственности и иных результатов интеллектуальной деятельности (программ для ЭВМ, как их определяет ГК РФ) позволит получить «мыслящие» и принимающие безопасные для человека решения субстанции, а не говорящие игрушки.

Однако изучаемые объекты будут представлять собой сложный симбиоз различных технологий, включая прежде всего программы для ЭВМ, которые к промышленной собственности российский законодатель не отнес, и, соответ-

¹ Подробнее см.: Королева Я.Ю. Национальные проекты: чего ждать в 2020 году? // Руководитель бюджетной организации. 2020. № 4. С. 23.

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорика» // digital.gov.ru.

³ <https://www.m24.ru/articles/tehnologii>

ственно, патентный способ правовой охраны к ним не применим. Вопрос является дискуссионным в теории авторского и патентного права и в целом в цивилистике. Так., Е.А.Войниканис, отмечая несоответствие формы защиты авторским правом природе программ для компьютеров, ратует за применение регистрационной системы защиты⁴ для данных объектов.

В.А.Дозорцев также указывал на недопустимость использования только «созидательской системы», вполне уместной для художественных произведений. К программам для ЭВМ должна применяться регистрационная модель охраны. Среди аргументов ученый приводил тот факт, что простой (авторский) способ получения правовой охраны удобен для монополистов либо субъектов, которые, к примеру, могут легко ее получить за границей⁵.

На современном этапе исследователи приводят и иные аргументы. Например, Р.Б.Темурзиев, рассуждая о том, необходима ли патентно-правовая охрана программам для ЭВМ, обращает внимание на следующие обстоятельства:

неоднозначное разрешение анализируемого вопроса в зарубежных правовых системах (в Европе преимущественно применяется патентная охрана программ как изобретения и промышленного образца, в США практика носит еще более противоречивый характер и зависит от судебного толкования);

крупные субъекты предпринимательства заинтересованы в патентной

⁴ Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. С. 163.

⁵ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. М.: Статут, 2005. С. 17.

системе, иные усматривают в ней риски для открытого программного обеспечения⁶.

Итак, вопрос этот дискуссионный и принципиальный в контексте названия представленной статьи. Небезынтересно, что О.В.Ревинский часто решал его достаточно радикально, не без основания отмечая: «Проблема абстрактности программы как алгоритма решается через ее представление как составной части способа [это уже приближает нас к формуле изобретения. – С.П.], с помощью которого реализуется конкретный технический результат⁷. М.А.Рожкова также пишет, что «не только в зарубежных странах, но и в России на практике осуществляется патентование алгоритмов (в качестве изобретений (способа), а также интерфейса (в качестве промышленного образца)»⁸. Так, в России получен патент на «способ, устройство компьютерной программы и графического интерфейса (компания «Нокиа»)»⁹.

Найти компромиссный вариант для решения указанной проблемы предлагают многие авторы. Так, Р.Б.Темурзиев предлагает перейти на патентную си-

⁶ Темурзиев Р.Б. Нужна ли российскому праву интеллектуальной собственности патентно-правовая охрана компьютерных программ?/В сб. статей: Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)/Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А.Рожкова. М.: Статут, 2019.

⁷ Ревинский О.В. Компьютерное программное обеспечение в составе имущества фирмы// Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 2. С. 28.

⁸ Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права/Под общ. ред. М.А.Рожковой. М.: Статут, 2018. С. 139.

⁹ Ворожевич А.С. Исключительные права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства)/В сб.: Современные информационные технологии и право/Отв. ред. Е.Б.Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 208–233.

стему, но с рядом оговорок (например, запретив патентование методов ведения бизнеса в компьютеризованной форме¹⁰.

Итак, содействовать обеспечению формирования субстанций, в перспективе сочетающих технологии нейрокомпьютерного интерфейса и расширенной реальности, будут все объекты промышленной собственности. Но прорывной шаг в этом процессе мы связываем с изобретениями и мини-изобретениями (полезными моделями). Их польза и необходимость, как думается, уже не обсуждаются, но риски, которые они могут нести для человечества, требуют использования (при всей дискусионности этого вопроса) патентной формы правовой охраны. Например, такие риски имеют «системы, которые позволяют синтезировать реалистичные видеопоследовательности, имитирующие речь и мимику конкретного человека»¹¹, что может, к примеру, создать условия для участия в выборах не избирателя, а цифровой копии¹².

Список литературы

1. Войниканис Е.А. *Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости*. М.: Юриспруденция, 2013.

2. Ворожевич А.С. *Исключительные*

¹⁰ Темурзиев Р.Б. Указ. соч.; Зяблова А.Ю., Штенников В.Н. Перспективы патентования методов ведения бизнеса в России: Материалы научно-практ. конф//Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью. Екатеринбург: УрФУ, 2015.

¹¹ <https://www.skoltech.ru/2019/12/issledovateliskolteha-avtory-samoj-obsubzhdajemoj-nauchnoj-stati-goda>; Голоскоков Л.В. Технологии и следствие//Российский следователь. 2020. № 4. С. 16.

¹² Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей//Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25.

права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства)/В сб.: Современные информационные технологии и право/Отв. ред. Е.Б.Лаутс. М.: Статут, 2019.

3. Голоскоков Л.В. *Технологии и следствие//Российский следователь. 2020. № 4.*

4. Дозорцев В.А. *Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. М.: Статут, 2005.*

5. Зяблова А.Ю., Штенников В.Н. *Перспективы патентования методов ведения бизнеса в России: Материалы научно-практ. конф//Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью. Екатеринбург: УрФУ. 2015.*

6. Колюшин Е.И. *Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей//Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2.*

7. Королева Я.Ю. *Национальные проекты: чего ждать в 2020 году?//Руководитель бюджетной организации. 2020. № 4.*

8. Ревинский О.В. *Компьютерное программное обеспечение в составе имущества фирмы//Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 2.*

9. Темурзиев Р.Б. *Нужна ли российскому праву интеллектуальной собственности патентно-правовая охрана компьютерных программ?/В сб. статей: E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)/Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А.Рожкова. М.: Статут, 2019.*

10. *Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права/Под общ. ред. М.А.Рожковой. М.: Статут, 2018.*

ПРОБЛЕМЫ АВТОРСТВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРАВО
АВТОРА

Международное и национальные законодательства развитых стран об исключительных правах содержат коллизии с правом человека на развитие, актуальным для развивающихся стран. В статье В.П.Павлова – докт. юрид. наук, проф. департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, vp_pavlov@mail.ru), предложены способы их преодоления путем устранения противоречий в нормативном определении момента возникновения авторства в авторском и патентном праве¹.

Ключевые слова: необнародованное произведение, автор, авторское право, результат интеллектуальной деятельности, патентное право, преждепользование.

PROBLEMS OF AUTHORSHIP ON THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

International and national laws of developed countries on exclusive rights contain collisions with the human right to development, which is relevant for developing countries. In the article of V.P.Pavlov, Doctor of Law, Professor of the Department of legal regulation of economic activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, vp_pavlov@mail.ru), proposed ways to overcome them by eliminating contradictions in the normative definition of the moment of origin of authorship in copyright and patent law.

Key words: unpublished work, author, copyright, result of intellectual activity, patent law, prior.

Модернизация и последующая унификация гражданского законодательства Беларуси, России и Казахстана в условиях экономической интеграции в рамках ЕАЭС проводится в русле реализации решения Совета министров юстиции государств – членов Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) от 23 сентября 2011 г. о разработке проекта Основ гражданского законодательства государств – членов ЕврАзЭС (далее –

Основы гражданского законодательства). Для решения поставленной задачи необходимо доктринально выработать подходы как к содержанию Основ гражданского законодательства, так и к направлениям модернизации национального гражданского законодательства названных стран. От уровня теоретической разработки постав-

ленной задачи зависит эффективность осуществления мер по соблюдению принципов суверенного равенства государств, углубления и развития евразийской экономической интеграции, отвечающей национальным интересам сторон и обеспечивающей их гармонич-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-00195.

ное развитие и сближение, а также гарантии устойчивого роста деловой активности, сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции, путем совместных действий, направленных на всестороннюю модернизацию и усиление конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной международной интеграции, предусмотренных Декларацией о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. и последующими документами Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Пристальное внимание участников конкурентной борьбы во внешнеэкономических отношениях привлекает законодательство в области интеллектуальной собственности, от эффективности функционирования которого зависят конкурентные преимущества в международной торговле высокими технологиями. На первом этапе международной унификации гражданского законодательства в рамках ЕАЭС следует дать оценку концептуальным основам национального законодательства стран-участниц. Общее историческое прошлое России, Беларуси и Казахстана наложило отпечаток на схожесть во многом их гражданского законодательства. Особенно это заметно на примере института права интеллектуальной собственности.

Вместе с тем на недостаточность проработанности концепции, положенной в основу раздела VII ГК РФ, обращает внимание докт. юрид. наук М.А. Рожкова. Следствием этого являются испытываемые судьями и другими правоприменителями трудности при применении законодательства в сфере интеллектуальной собственности².

Для потенциального восприятия произведения публикой недостаточно

объективного способа его выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ). Необходима еще объективная, то есть не зависящая от воли создателя форма его существования (подпункт 1.1 ст. 1256 ГК РФ). Из изложенного следует, что только совокупность названных признаков свидетельствует о наличии объекта авторских прав, а следовательно, и самого автора-правообладателя.

Вместе с тем истории литературы и искусства известно немало ситуаций, когда эти требования формально выполнялись, но результаты творчества не просто не были опубликованы, но даже были уничтожены по тем или иным личным мотивам. В качестве примера можно привести историю с Н.В. Гоголем, который готовил к обсуждению в кругу писателей вторую часть произведения «Мертвые души». Однако накануне вечером велел слуге растопить камин, в огонь которого бросил одну за другой тетради нового романа, несмотря на мольбы слуги не делать этого. На следующее утро писатель сокрушался о содеянном, но восстанавливать произведение не стал.

С позиций действующего ГК РФ Н.В. Гоголя следует признать автором уничтоженного им произведения по следующей совокупности фактов:

рукопись была создана трудом писателя (ст. 1257 ГК РФ);

на момент создания произведение существовало в объективной форме (рукопись), и слуга Н.В. Гоголя мог ознакомиться с ней (п. 3 ст. 1259 ГК РФ);

авторство охраняется бессрочно, с момента создания произведения (п. 2 ст. 1228 ГК РФ).

² Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права/Под общ. ред. М.А. Рожковой//www.consultant.ru (дата обращения – 28 июня 2020 г.).

Иными словами, заложенная в раздел VII ГК РФ ГК РФ концепция обосновывает авторство писателя на произведение, которого не существует.

Среди произведений живописи известны по крайней мере девять картин, начиная с «Черного квадрата» К. Малевича, нижние слои на полотне которых представляют совершенно иные сюжеты и без современных технических средств рентгеноскопии не могли бы быть обнаружены. Более сложной является ситуация с картиной Р. Магритта «Портрет». Дело в том, что художник ранее демонстрировал на выставках картину «Зачарованная поза». Но потом картина бесследно исчезла, и ценители искусства художника посчитали, что она уничтожена самим автором. Однако при реставрации картины «Портрет» был обнаружен один из четырех фрагментов исчезнувшей картины. После длительных поисков были найдены недостающие фрагменты, каждый из которых был скрыт под другими картинами художника.

Правомерно ли говорить об авторстве и о самом существовании этих сюжетов до того, как экспертиза вскрыла их и появилась техническая возможность их копирования? В последнем случае с картиной «Зачарованная поза» следует признать, что для обнародованного произведения, несмотря на то, что впоследствии оно было уничтожено автором, сохраняется и авторство, и исключительное право, поскольку если кто-то по памяти или по старым фотоснимкам воспроизведет сюжет утраченной картины, он не сможет претендовать ни на авторство, ни на исключительное право на ее тиражирование.

Приведенные примеры показывают, что до обнародования судьба творче-

ского результата всецело находится в руках его создателя. Переделывая произведение, уничтожая созданное творение, мастер руководствуется частным интересом. Именно этот интерес им движет до тех пор, пока он не обнародовал свое произведение. В этом смысле закрепление произведения на материальном носителе следует признать только первым шагом к приданию объективности его существованию. В полном объеме этот процесс завершается только после того, как произведение станет доступным неопределенному кругу лиц (по воле творца или вопреки ей). В этом случае дальнейшее существование произведения не будет зависеть от воли автора. Даже если автор впоследствии отзовет свое произведение, оно останется доступным в экземплярах, которые были реализованы покупателям и которые нельзя у них изъять, в фотокопиях картин с выставок и пр.

Изложенные приемы творческой работы позволяют ряду цивилистов усомниться в возможности эффективной охраны и защиты авторства до момента опубликования произведения. В этой связи В.А. Белов выдвинул гипотезу о возникновении исключительных авторских прав из факта обнародования (а не создания) произведения. Последующая реализация автором права на отзыв произведения не переводит его в режим необнародованных, поскольку у неопределенного круга лиц, у которых остались экземпляры отозванного произведения, появилась возможность его использовать, в том числе неправомерно. Охрану неприкосновенности произведения на любой стадии его создания предложено осуществлять через личные неимущественные права автора, которые возникают до полного завер-

шения произведения в соответствии с творческим замыслом создателя³.

Более радикальную позицию в этом вопросе занимает Э.П.Гаврилов: «... если творческий результат не опубликован, если он не стал доступным третьим лицам (с согласия автора или без его согласия), то никакой авторско-правовой защиты этого результата не возникает: авторское право не будет преследовать «нарушителя», поскольку он не мог скопировать этот результат»⁴. Мнение Э.П.Гаврилова согласуется с известным древнеримским изречением: «*Ibi jus, ubi remedium*» («Где право, там и средство его защиты»). Иными словами, право не может существовать без средства защиты – это два взаимодополняющих понятия.

Приведенные аргументы противников наделяния создателей произведений исключительными правами до обнародования произведений требуют теоретического обоснования. В основу существующего подхода к моменту возникновения авторства положен взгляд на абсолютное правоотношение как исключительно гражданско-правовое «горизонтальное» отношение автора с неопределенным кругом лиц – потенциальных нарушителей его интереса: получить материальное вознаграждение за вложенный труд. Автор является носителем частного интереса и, как большинство остальных участников правоотношений, находится в «горизонтальных» отношениях по поводу своего произведения. Поэтому в литературе при анализе правового положения авто-

ра основное внимание исследователей уделяется его имущественным и немущественным правам как участника гражданского оборота. При этом остается без внимания позиция Д.М.Генкина и С.Н.Братуся о том, что любое правоотношение, в том числе и абсолютное, всегда должно быть конкретно в том смысле, что его содержание составляют права и обязанности определенных лиц, в то время как возложение обязанности на всех – это установление общего правила поведения, определяемого объективным правом, то есть законом⁵.

Основываясь на теории систем управления, абсолютное правоотношение следует рассматривать как элемент связи подсистемы гражданского права с иерархически построенной системой права в целом, в рамках которой только и возможно устойчивое функционирование институтов гражданского права. Указанный подход дает иную трактовку содержания абсолютного правоотношения. Им является «вертикальная» связь создателя публично-значимых благ и лица, заинтересованного в их использовании в своих частных интересах⁶.

На практике такая трактовка абсолютного правоотношения реализуется со времен Статута королевы Анны 1710 г., который содержал требование к издателям передавать экземпляры произведения в библиотеки на безвозмездной основе. Там же была сформулирована главная цель авторского права: культурное развитие подданных. С этой целью ограниченное во времени имущественное право автора на воз-

³ Белов В.А. Гражданское право. Т. III: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: Учебник. М.: Юрайт, 2012. С. 528.

⁴ Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. С. 215.

⁵ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. С. 34; Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С.188–189.

⁶ Павлов В.П. Проблемы теории собственности в российском гражданском праве. М.: РПА Минюста, 2000. С. 180.

награждение за изданные труды было материальной компенсацией за раскрытие им обществу результатов своего творчества. Тем самым автор становится носителем публичного интереса по созданию творческих произведений и обеспечению доступа к ним граждан. Сегодня главная цель авторского права закреплена в Конституции Российской Федерации и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, согласно которым каждый человек имеет право доступа к культурным ценностям.

В связи с изложенным возникает **вопрос о публично-правовых основаниях охраны необнародованных произведений и признании за их творцами прав авторов**. Указанные лица, сохраняя свои произведения в тайне от общества по самым разным мотивам, не внесли вклада в сокровищницу научного и художественного творчества, доступного обществу. Тем не менее они наделены правами авторов по российскому и зарубежному законодательству. Этим нарушается баланс публичных и частных интересов при предоставлении исключительных прав создателям необнародованных произведений. Безусловно, рукописи, дневники, переписка, наброски, эскизы будущих произведений требуют охраны от недобросовестных лиц, но не в режиме объектов авторского права, а как элементы неприкосновенности частной жизни (ст. 150 ГК РФ).

Соблюдение баланса публичных и частных интересов диктует свои особенности авторско-правовой охраны материалов заявки при патентовании изобретения. В этой связи заслуживает внимания мнение Э.П.Гаврилова о том, что автором заявки является патентный поверенный или другие работники работодателя, составлявшие ее на

служебный объект патентного права, а автору патентуемого объекта в лучшем случае отводится роль одного из ее соавторов⁷.

Конечно, существуют патентные поверенные, которые подхватывают и развивают творческую идею автора, воплощая ее в новую словесную форму, обеспечивающую больший объем охраны по сравнению с первоначально заявленным автором. При этом патентный поверенный действительно может претендовать на соавторство при условии, что автор согласился изменить описание изобретения. Но утверждать, что на это способен каждый патентный поверенный – значит отрывать форму произведения (заявки) от ее содержания. В этом случае и подмастерья, которым великие художники прошлого поручали прорисовывать крупы лошадей на портретах вельмож, могли бы претендовать на соавторство.

Именно для таких случаев предусмотрено общее положение о границах признания авторства на результаты интеллектуальной деятельности во втором абзаце п. 1 ст. 1228 ГК РФ. Отличие авторского права от патентного в том, что первое охраняет содержание через форму выражения, а второе – содержание вне зависимости от формы выражения.

Обязательная публикация сведений о заявке, предусмотренная ст. 1385 ГК РФ, не является обнародованием самой заявки, потому что состав публикуемых сведений определяется Роспатентом. Эти сведения в соответствии с подпунктом 4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ не являются объектом авторских прав. В то же время опубликованная информация о заявке представляет возможность любому за-

⁷ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 313.

интересованному лицу ознакомиться с материалами заявки на основании п. 2 ст. 1385 ГК РФ.

Таким образом, посредством информационного бюллетеня Роспатента реализуется право автора на обнародование произведения в соответствии с п. 1 ст. 1268 ГК РФ. Отзыв заявки до государственной регистрации изобретения на основании ст. 1380 ГК РФ не прекращает авторских прав, возникших после публикации сведений о заявке. Однако акт выдачи патента прекращает авторские права изобретателя, поскольку патент представляет собой официальный документ государственного органа (подпункт 1 п. 6 ст. 1259 ГК РФ) и служит основанием возникновения патентных прав автора (ст. 1345 ГК РФ).

Введя категорию «*преждепользователь*», законодатель обошел вниманием автора изобретения, которым воспользовался преждепользователь. При этом возникает ситуация двойственности авторства. Один автор указан в патенте, другой – создатель, передавший свое изобретение преждепользователю. Такая ситуация вероятна, когда работодатель решает сохранить в тайне изобретение и не подавать заявку на патент, а другой предприниматель подает заявку в патентное ведомство на аналогичное техническое решение. Первый работодатель после публикации сведений о заявке не может на основании п. 5 ст. 1386 ГК РФ подать возражения против выдачи патента, поскольку его документация не опубликована. В этом случае он становится преждепользователем.

В результате возникает коллизия авторства. Автором документации, на основе которой осуществляется преждепользование, остается творческий работник, создавший технический ре-

зультат и передавший его преждепользователю, который не обнародовал эти материалы (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Автор обнародованной заявки утратил авторские права на нее с выдачей ему патента. Чтобы подобную правовую коллизию исключить, достаточно изобретателя, передавшего документацию преждепользователю, который намерен использовать изобретение в режиме секрета производства, не наделять статусом автора, поскольку автор – лицо публичного интереса, который он проявляет, публикуя заявку с тем, чтобы с результатом его творчества ознакомился неограниченный круг лиц.

Если преждепользователь не наделяется исключительными правами на созданное им техническое решение потому, что не обнародовал принадлежащее ему достижение, возникает вопрос об экономических предпосылках наделяния исключительными правами обладателей секретов производства (ст. 1466 ГК РФ). Дело в том, что конструкция имущественного права на секрет производства не соответствует содержанию исключительных прав. Поскольку исключительные права на изобретения обеспечивают монополию правообладателя на товарооборот запатентованной продукции, действие этой монополии ограничено законом определенным сроком (ст. 1363 ГК РФ).

Для правовой охраны секрета производства такого срока не установлено. Он может охраняться бесконечно. В качестве примера можно привести рецептуру напитка «Кока-кола». Для патентообладателя, условием наделяния исключительным правом которого является обнародование технического решения, существует только один субъект, на которого не распространяется его требование о запрете безлицензи-

онного использования изобретения, – это преждепользователь, который документально подтвердил свой приоритет изобретения и который обязан использовать изобретение в ограниченном объеме. В отличие от этого, обладатель секрета производства сохраняет в тайне свое техническое решение. При этом число самостоятельных исключительных прав на один и тот же секрет производства не ограничено законом (п. 2 ст. 1466 ГК РФ). Более того, если исключительное право на изобретение возникает с момента утраты конфиденциальности соответствующих сведений (официальная публикация материалов заявки Роспатентом), исключительное право на секрет производства, напротив, прекращается у всех правообладателей (ст. 1466 ГК РФ).

Изложенное свидетельствует о неадекватном правовом инструменте, выбранном для охраны коммерческой тайны. Еще в 2004 г. подкомиссия ООН по защите прав человека на охрану здоровья, образование, участие в культурной жизни отметила появившуюся в конце XX в. тенденцию трансформации системы свободного (бескорыстного) обмена знаниями в области производства в систему, в которой главенствующую роль играют монополии, предоставляемые законодательством об исключительных правах физическим или юридическим лицам на те или иные знания. Эта подкомиссия, исследовав взаимодействие прав патентообладателей с правами человека, пришла к заключению о наличии очевидных или потенциальных коллизий между ними.

В отчете подчеркнуто, что ВОИС, в отличие от подкомиссии по защите прав человека ООН, рассматривает лишь возможность возникновения конфликтов между вышеупомянутыми двумя

категориями прав. Осторожная позиция ВОИС в этом вопросе обусловлена статусом этой организации, призванной отстаивать интересы обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности⁸. Отечественному законодателю в этих условиях требуется большая взвешенность для поддержания баланса между правами человека на развитие и исключительными правами.

Выводы:

придание творческому деятелю статуса автора только в результате обнародования его произведения позволит восстановить баланс публичных и частных интересов в авторском праве;

безусловно, и неопубликованные произведения, и секреты производства требуют правовой охраны и защиты от посягательств недобросовестных конкурентов;

выходом из сложившейся ситуации является распространение режима личной тайны на названные творческие результаты (ст. 150 ГК РФ), который позволяет разрешить рассмотренные коллизии.

Список литературы

1. Белов В.А. Гражданское право. Т. III: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: Учебник. М.: Юрайт, 2012.
2. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963.
3. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016.

⁸ Мельников В.М. Права патентообладателей в контексте прав человека//Патенты и лицензии. 2008. № 9. С. 21.

4. Генкин Д.М. *Право собственности в СССР*. М.: Госюриздат, 1961.

5. Мельников В.М. *Права патентообладателей в контексте прав человека//Патенты и лицензии*. 2008. № 9.

6. Павлов В.П. *Проблемы теории*

собственности в российском гражданском праве. М.: РПА Минюста, 2000.

7. *Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права/Под общ. ред. М.А.Рожковой//www.consultant.ru*

СООТНОШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ И ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

В статье А.В.Лелётиной – канд. юрид. наук, преподавателя Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместителя директора департамента регистрации ведомственных нормативных правовых актов Министерства юстиции Российской Федерации (Москва, n.lelyotina@mail.ru), анализируются актуальные правовые проблемы соотношения авторских прав и прав на товарные знаки. Рассмотрены тенденции развития регулирования судебной и административной практики в этой сфере. Предложены возможные пути решения выявленных правовых проблем, которые связаны с конкуренцией, столкновением и противопоставлением авторских прав и прав на товарные знаки, а также параллельной защитой обозначений посредством реализации указанных прав.

Ключевые слова: авторские права, права на товарный знак, соотношение авторских прав и прав на товарный знак, столкновение и противопоставление прав и объектов, снижение компенсации за нарушение исключительного права, персонаж.

CORRELATION OF COPYRIGHT AND TRADEMARK RIGHTS: TRENDS IN LEGAL REGULATION AND PRACTICE

In the article of A.V.Lelyotina, PhD, Teacher of the National Research University Higher School of Economics, Deputy Director of the Department of registration of departmental normative legal acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, n.lelyotina@mail.ru), analyzes the current legal problems of the relationship between copyright and trademark rights. Trends in the development of regulation of judicial and administrative practice in this area are considered. Possible solutions to the identified legal problems related to competition, collision and opposition of copyright and trademark rights, as well as parallel protection of designations through the implementation of these rights are proposed.

Key words: copyright, trademark rights, correlation of copyright and trademark rights, collision and opposition of rights and objects, reduction of compensation for violation of an exclusive right, character.

Часть II

Авторские права и права на товарные знаки: параллельная защита объектов

В ГК РФ нет специальной нормы, по-

священной возможности параллельной защиты объектов в рамках двух правовых режимов, но это следует из толкования комплекса норм (в том числе п. 3 ст. 1252, ст. 1259, ст. 1260, ст. 1270, п. 9 ст. 1483). При этом среди право-

обладателей широко распространено предубеждение о том, что регистрация объектов авторских прав в качестве товарных знаков дает дополнительные возможности для защиты прав на эти объекты и позволяет делать это более эффективно. Однако соответствует ли это действительности?

В последнее десятилетие складывается обширная судебная практика, связанная с реализацией рядом правообладателей активной стратегии параллельной защиты прав на названия, персонажи (а также их рисунки) аудиови-

зуальных фильмов для детей и соответствующие товарные знаки, содержащие изображения этих персонажей, названия мультфильмов и пр. Среди них можно назвать «Смешарики», «Маша и Медведь», «Барбоскины» и др. Данная стратегия включает одновременную защиту исключительных прав на объекты авторских прав и прав на товарные знаки, их содержащие, путем взыскания компенсации за нарушения прав с мелких продавцов – индивидуальных предпринимателей, реализующих товары для детей с использованием изображений персонажей, названий мультфильмов, а также товарных знаков, включающих эти персонажи и названия. В связи со значительным числом споров рассмотрим лишь несколько из них.

Например, в деле, которое можно назвать классическим среди споров подобного рода, истец – студия анимационного кино «Мельница» – обратился в суд за защитой одновременно авторских прав на рисунки персонажей анимационного сериала для детей «Барбоскины» и прав на товарные знаки, содер-

жащие изображения этих персонажей и название мультфильма (зарегистрированные в отношении ряда товаров 28 класса МКТУ, в том числе «игрушки», «игры» и пр.). Ответчик, индивидуальный предприниматель, реализовывал товар, в частности, детский конструктор, с использованием изображений персонажей и названия мультфильма, сходных до степени смешения с рисунками и товарными знаками истца, без согласия правообладателя. Отстаивая свою позицию, он утверждал, что обращение заявителя с иском об одновре-

менной защите авторских прав и прав на товарные знаки является злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ). Суды всех инстанций с этим не согласились и указали, что правообладатель имеет право защищать исключительные права на каждый принадлежащий ему результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации³².

Интересно обратить внимание, что в таких делах в судебной практике по отношению к объектам авторских прав начали применять категорию, используемую ранее только в связи с товарными знаками, – «сходство до степени смешения» (так как в 2014 г. для этого появилось легальное основание благодаря изменению положения п. 9 ст. 1483 ГК РФ, о котором уже говорилось в части I статьи).

Другим важным аспектом таких дел являются заявляемые нарушения, а

³² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 марта 2017 г. № С01-168/2017 по делу № А50-10637/2016, определение Верховного суда Российской Федерации от 6 июля 2017 г. № 309-ЭС17-9395.

именно – о защите каких объектов авторских прав предъявляются требования. Так, в одном из дел студия анимационного кино «Мельница» обратилась одновременно за защитой прав на товарные знаки, но не рисунки персонажей мультфильма «Барбоскины», а на сами персонажи как самостоятельные объекты авторских прав. В части взыскания компенсаций за нарушение исключительных прав на персонажи истцу было отказано в связи с тем, что суды не посчитали их по своему характеру самостоятельным результатом творческого труда и не нашли возможным их использование независимо от произведения в целом, поскольку герои этого мультфильма *«содержат лишь графические изображения, в то время как персонаж анимационного сериала характеризует совокупность отличительных признаков»*³³.

При этом персонажи мультфильмов «Маша и Медведь»³⁴ и персонаж анимационного фильма «Три богатыря. Ход конем» Илья Муромец³⁵ рассматриваются судами в качестве самостоя-

³³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 февраля 2017 г. № С01-1254/2016 по делу № А75-1473/2016. Аналогичный подход в отношении персонажей мультфильма «Барбоскины» нашел отражение и в других делах. См.: постановления Суда по интеллектуальным правам от 19 августа 2016 г. № С01-706/2016 по делу № А14-353/2016, от 15 февраля 2017 г. № С01-1310/2016 по делу № А70-3164/2016 и определение Верховного суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 304-ЭС17-4945 по делу № А70-3164/2016.

³⁴ См., напр.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 августа 2016 г. № С01-948/2014 по делу № А50-21004/2013, определение Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2016 г. № 309-ЭС14-7875 по делу № А50-21004/2013.

³⁵ См., напр.: решение Арбитражного суда Белгородской области от 25 октября 2016 г. по делу № А08-2700/2016, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2017 г. № 19АП-7448/2016 по делу № А08-2700/2016.

тельных объектов авторских прав. Обоснование оригинальности, узнаваемости, наличие не только визуального изображения, но и характера, возможности обособленного использования от других персонажей и фильмов в целом сыграли ключевую роль при формировании судами таких выводов в отношении героев этих аудиовизуальных произведений.

В таком случае правообладателю следует тщательно подходить к выбору заявляемых требований и проводить предварительный анализ возможности персонажа быть признанным самостоятельным объектом авторских прав. При этом практически отсутствует риск отказа в защите прав на рисунок персонажа, рассматриваемый в качестве произведения искусства. Однако важно корректное оформление передачи прав на произведение для того, чтобы избежать споров об авторских правах (см. об этом подробнее в части I статьи).

При рассмотрении дел подобного рода в 2014 г. в связи с исками ООО «Смешарики» была сформирована другая правовая позиция, имеющая важное значение для определения размера взыскиваемых компенсаций. В дополнение к норме п. 3 ст. 1252 ГК РФ уточнялось, что незаконное размещение нескольких различных товарных знаков на одном материальном носителе является нарушением исключительных прав на каждый товарный знак (п. 32 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. президиумом Верховного суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г. (далее – Обзор). Данная позиция актуальна и сейчас и реализуется в судебной практике (п. 68 постановления пленума Верховного суда Российской Федерации от

23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Постановление № 10).

В других делах ООО «Маша и Медведь» защищало одновременно нарушенные исключительные права на рисунки персонажей одноименного мультфильма и права на два товарных знака, содержащие изображения этих персонажей (рег. № 388157, 385800). Ответчик реализовывал товары, содержащие спорные изображения. Суды указали, что размещение нескольких товарных знаков и рисунков на одном материальном носителе нарушает исключительные права на каждый товарный знак и рисунок³⁶. При этом нарушение группы (серии) зависимых товарных знаков одного правообладателя, когда знаки сходны по звучанию и значению, имеют общий доминирующий словесный или изобразительный элемент, а графические различия между ними не являются существенными, будет считаться единым, и компенсация будет взыскиваться за одно нарушение (п. 33 Обзора).

Другой интересный случай незаконного использования товарного знака, заимствованный из авторского права в правовой режим охраны товарных знаков, связан с изготовлением трехмерного объекта, имитирующего двухмерное изображение товарного знака. Такой способ нарушения прав на товарный знак не следует с очевидностью из положений ГК РФ. Правовая позиция по этому поводу была сформирована при рассмотрении серии дел, в кото-

³⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 мая 2017 г. № С01-312/2017 по делу № А62-2813/2016 и определение Верховного суда Российской Федерации от 4 сентября 2017 г. № 310-ЭС17-11562 по делу № А62-2813/2016, постановление Суда по интеллектуальным правам от 21 февраля 2017 г. № С01-1317/2016 по делу № А60-2144/2016.

рых правообладатель заявлял о нарушении авторских прав на персонаж литературного произведения и рисунки серого медвежонка с голубым носом Ми Ту Ю Тэтти Тедди, а также прав на товарный знак, содержащий изображение этого медвежонка (международная рег. № 855249, дела № А76-1534/2014 и № А76-1541/2014), и дел, связанных с нарушением прав на товарные знаки, содержащие изображения персонажей мультипликационного сериала «Смешарики» (дела № А19-3657/2014 и № А56-52922/2013).

Данный подход заключается в том, что реализация товара, имитирующего товарный знак, в частности, трехмерной мягкой игрушки, также является нарушением исключительных прав на такой товарный знак (п. 34 Обзора). Изложенная позиция нашла отражение и в п. 156 Постановления № 10. Этот подход можно оценить как положительное заимствование из правового режима охраны авторских прав в правовой режим охраны прав на товарные знаки в связи с его направленностью на обеспечение защиты прав соответствующих правообладателей и отсутствием дисбаланса авторских прав и прав на товарные знаки.

При взыскании компенсации необходимо обратить внимание на актуальную практику определения ее объема, особенно в свете тенденций, которые сложились после формирования Конституционным судом Российской Федерации в постановлении от 13 декабря 2016 г. № 28-П³⁷ новой правовой позиции. В

³⁷ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».

настоящее время суды прибегают к уменьшению размера присуждаемых компенсаций, а ответчики представляют различные аргументы в пользу такого уменьшения. Важно подчеркнуть, что при рассмотрении дел о защите исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности суды и ранее снижали размер компенсации, руководствуясь позицией, сформулированной еще в 2009 г., в соответствии с которой суд мог уменьшать сумму компенсации по сравнению с заявленным требованием, но не ниже установленного ГК РФ минимального предела³⁸.

С 2017 г. практика по этому вопросу изменилась, и суды присуждают компенсации меньше установленного минимального предела соответствующей нормой ГК РФ при определенных Конституционным судом Российской Федерации условиях (размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, и их превышение доказано ответчиком, правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые, исчисленный в установленном порядке размер компенсации многократно превышает причиненные правообладателю убытки, использование объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью предпринимательской деятельности и не носило грубый характер, одним действием нарушены права на несколько объектов).

Так, в деле о защите прав на пять

³⁸ Подпункт 43.3 постановления пленумов Верховного суда Российской Федерации и Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 26 марта 2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (утратило силу в связи с принятием Постановления № 10).

товарных знаков и персонаж анимационного фильма «Три богатыря. Ход конем» – Илья Муромец (правообладатель – студия анимационного кино «Мельница») суд первой инстанции снизил вдвое, по сравнению с заявленным истцом первоначально, размер компенсации за нарушение прав на каждый товарный знак и за нарушение авторских прав на персонаж (минимальный предел компенсации по ст. 1301 и подпункту 1 п. 4 ст. 1515 в обоих случаях – 10 тыс. руб. был уменьшен до 5 тыс. руб. за нарушение прав на каждый объект)³⁹.

Ответчик – индивидуальный предприниматель, не согласился с таким уменьшением, посчитав его недостаточным, и в кассационной жалобе обосновывал, что имел место только один факт нарушения исключительных прав истца, а не шесть, поскольку все объекты, размещенные на реализованном товаре – раскраске и DVD-диске (изображения и надпись, сходные до степени смешения с товарными знаками истца, и указанный выше персонаж), образуют единое произведение, а также являются героями одного произведения. Соответственно, по мнению ответчика, должна быть взыскана компенсация только за одно нарушение. Рассматривая дело в порядке кассации, Суд по интеллектуальным правам не нашел оснований принять обоснование индивидуального предпринимателя. Размер присужденной компенсации не изменился⁴⁰.

³⁹ Решение Арбитражного суда Белгородской области от 25 октября 2016 г. по делу № А08-2700/2016, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2017 г. № 19АП-7448/2016 по делу № А08-2700/2016.

⁴⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 июня 2017 г. № С01-385/2017 по делу № А08-2700/2016. Данная правовая позиция была позже закреплена и в п. 68 Постановления № 10.

Примерно в это же время в 2017 г. при рассмотрении других дел Верховный суд Российской Федерации уточнял правовую позицию, сформированную Конституционным судом Российской Федерации, и детализировал требования к порядку уменьшения компенсации ниже установленного минимального предела⁴¹, которые впоследствии были суммированы в п. 21 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2017 г.), утв. президиумом Верховного суда Российской Федерации 12 июля 2017 г. Среди прочего было определено, что суд не вправе снижать размер компенсации по своей инициативе. Снижение возможно только при наличии мотивированного заявления соответствующей стороны и доказательств. Кроме того, было установлено, что применение правила снижения размера компенсации допустимо и к юридическим лицам (не только в отношении индивидуальных предпринимателей и физических лиц), исходя из основных начал гражданского законодательства, в частности, признания равенства участников регулируемых им отношений (ст. 1 ГК РФ). Последнее положение серьезно расширяет правовую позицию Конституционного суда Российской Федерации и по сути является самостоятельной позицией. Вопрос, имелись ли основания для такого расширения, является спорным и выходит за рамки настоящей статьи.

В одном из дел Верховный суд Российской Федерации применил данную уточненную позицию, рассматривая кассационную жалобу по делу о взыска-

⁴¹ См., напр.: определения Верховного суда Российской Федерации от 21 апреля 2017 г. № 305-ЭС16-13233, от 12 июля 2017, № 308-ЭС17-3085, от 12 июля 2017 г. № 308-ЭС17-2988, от 12 июля 2017 г. № 308-ЭС17-3088, от 12 июля 2017 г. № 308-ЭС17-4299.

нии компенсации за нарушение прав на товарные знаки, содержащие изображения героев мультфильма «Маша и Медведь» (рег. № 505856 и № 505857) и объекты авторских прав – рисунки «Маша» и «Медведь». Истец не согласился с решениями первой и апелляционной инстанций в части снижения размера присужденной компенсации. Верховный суд Российской Федерации отменил принятые решения и направил дело на новое рассмотрение, в том числе на основании того, что суды по своей инициативе снизили размер компенсации ниже установленного минимального предела, а также не учли, что данный индивидуальный предприниматель уже привлекался к ответственности по аналогичному делу⁴², что подтверждает осведомленность ответчика о нарушении исключительных прав истца и систематичность их нарушения⁴³.

Кроме того, в июле 2020 г. Конституционный суд Российской Федерации рассмотрел на предмет конституционности положение, содержащееся в подпункте 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ⁴⁴. Конституционный суд Российской Федерации признал эту норму противоречащей Конституции Российской Федерации в связи с тем, что данное положение не позволяет суду с учетом фактических обстоятельств конкретного дела при

⁴² См., напр.: решение Арбитражного суда г. Москвы от 14 октября 2016 г. по делу № А40-177327/2016, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 августа 2017 г. № 09АП-26871/2017-ГК по делу № А40-14531/17.

⁴³ Определение Верховного суда Российской Федерации от 18 января 2018 г. № 305-ЭС17-14355 по делу № А40-248391/2016.

⁴⁴ См.: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда».

определении размера подлежащей выплате компенсации снизить ее размер ниже минимального предела при нарушении индивидуальным предпринимателем исключительного права на один товарный знак, если такой размер многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков, правонарушение совершается впервые, а неправомерное использование интеллектуальной собственности не является существенной частью предпринимательской деятельности и не носит грубый характер. В связи с этим практика снижения размера компенсации впоследствии продолжит развитие в части использования возможности снижения размера компенсации ниже минимального предела при наличии условий, определенных Конституционным судом Российской Федерации.

В связи с вопросом о присуждении компенсации также актуальна правовая проблема подтверждения факта реализации товара, которым нарушаются исключительные права на тот или иной товарный знак и/или объект авторских прав. Так, в одном из дел, связанных с защитой прав на товарные знаки (рег. № 388157, 385800, 388156) и персонажи мультфильма «Маша и Медведь», апелляционный суд, решение которого впоследствии подтвердил Суд по интеллектуальным правам в кассационном порядке, указал, что представленная видеозапись покупки товара в отсутствие контрольно-кассового (товарного) чека не может быть признана достаточным и допустимым доказательством и подтверждать факт продажи спорного товара⁴⁵. В связи с тем, что компен-

⁴⁵ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 14 декабря 2016 г. по делу № А39-2290/2016, постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 мая 2017 г. № С01-254/2017 по делу № А39-2290/2016.

сация за нарушение исключительного права подлежит взысканию только при доказанности факта нарушения (п. 3 ст. 1252 ГК РФ, п. 59 Постановления № 10), при защите своих прав правообладателям необходимо получать и чеки.

В другом деле суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требований о взыскании компенсации за нарушение исключительных авторских прав компании – обладателя исключительной лицензии на производство изобразительного искусства с условным наименованием «Ждун» в связи с тем, что кассовый чек не содержал конкретных сведений о проданном товаре (только о том, что реализована одна единица товара, без его конкретизации) и всех необходимых реквизитов для идентификации продавца и товара⁴⁶. Товарный чек в материалы дела истец не представил⁴⁷.

Таким образом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что для эффективной защиты следует представлять в суд товарный и/или кассовый чек, выданный от имени ответчика с указанием всех необходимых сведений о продавце, конкретной информации о реализованном товаре, видеозапись приобретения товара (из которой следует, что конкретный товар приобретен именно у ответчика, когда и в каком магазине, дата и время осуществления видеозаписи), приобретенный товар. При этом в таких случаях

⁴⁶ В соответствии с п. 3 Положения об осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт без применения контрольно-кассовой техники, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 359.

⁴⁷ Решение Арбитражного суда Московской области от 3 ноября 2018 г. по делу № А41-57012/18, постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2018 г. № 10АП-18882/2018 по делу № А41-57012/18.

суды рассматривают видеозапись процесса реализации товара в качестве необходимой для целей самозащиты гражданских прав согласно ст. 12 и 14 ГК РФ и исходят из ее соответствия ст. 67, 68 и 89 АПК РФ⁴⁸.

Аудиозапись также может использоваться в качестве подтверждения. Для признания аудио- или видеозаписи допустимым доказательством согласия на проведение аудиозаписи или видеосъемки лица, в отношении которого они производятся, не требуется (п. 55 Постановления № 10). В Постановлении № 10 указывается на возможность подтверждения факта представлением кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара, а также путем заслушивания свидетельских показаний и с привлечением иных доказательств, например, аудио- или видеозаписи (п. 55), без необходимости конкретизации особенностей учета судами этих доказательств при разрешении конкретных дел, которые в том числе рассматривались выше.

Кроме того, следует обратить внимание и на другое дело, в котором той же компании-правообладателю, защищавшей права на изображение фантазийного существа «Ждун», суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований в связи с недоказанностью факта использования ответчиком изображений Ждуна, подтвержденного истцом только талонами на услуги, которые содержали сведения об уплаченной денежной сумме и дате осуществления расчета, а также видеозапись приобретения товара. Суды сделали выводы о том, что сувенирная продукция с изо-

⁴⁸ См., напр.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 мая 2017 г. № С01-312/2017 по делу № А62-2813/2016.

бражением Ждуна была изготовлена ответчиком по индивидуальному заказу истца, не доказан факт изготовления и реализации изделия с изображением Ждуна для неопределенного круга лиц и в массовом порядке, использования его ответчиком для целей индивидуализации своего товара и повышения спроса на него. Сформированная при рассмотрении данного дела правовая позиция состоит в том, что использование ответчиком по индивидуальному заказу истца изображения Ждуна не является распространением в понимании п. 1 ст. 1270 ГК РФ⁴⁹.

Проведенный анализ практики подтверждает, что одинаково эффективно можно защищать то или иное произведение как путем реализации авторских прав, так и прав на товарный знак (в случае регистрации этого произведения в качестве товарного знака). Аргумент о том, что при наличии нарушений авторских прав и прав на товарный знак возможно взыскивать компенсацию за нарушение прав на каждый объект, нивелируется тем, что регистрация обозначения в качестве товарного знака – серьезная и длительная процедура, которая предполагает совершение определенных действий, связанных с административными процедурами, а также значительные финансовые затраты, в том числе в части последующего поддержания охраны товарного знака в силе.

Кроме того, товарный знак охраняется только в отношении товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован, или однородных товаров.

⁴⁹ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 16 января 2019 г. по делу № А76-16733/2018, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 апреля 2019 г. № 18АП-2645/2019 по делу № А76-16733/2018.

Для объектов авторских прав таких ограничений нет. Обязанность использовать товарный знак и возможность досрочного прекращения охраны в случае его неиспользования непрерывно в течение трех лет также существенно ограничивают правообладателей.

Общую позицию об отсутствии необходимости регистрировать произведения в качестве товарных знаков можно распространить на художественные произведения. В отношении художественных произведений регистрация товарного знака не имеет преимуществ.

К персонажу должен быть иной подход. Правообладателю следует регистрировать товарный знак, содержащий персонаж, но только в случае, если персонаж будет использоваться самостоятельно, то есть отдельно от художественного произведения. Это связано с тем, что далеко не каждый персонаж может быть признан самостоятельным объектом и защищаться отдельно от художественного произведения, частью которого является. При этом регистрация в качестве товарного знака позволит исключить риск непризнания персонажа самостоятельным объектом авторских прав и защищать в случае нарушений прав на него.

Более того, в п. 155 Постановления № 10 Верховный суд Российской Федерации указал, что использование третьими лицами обозначения, тождественного или сходного до степени смешения с заявленным на регистрацию в качестве товарного знака обозначением, в период между датой подачи заявки (датой приоритета) и датой регистрации этого товарного знака не может считаться нарушением исключительно права на товарный знак. При этом защита авторских прав на соответствующий объект в этот период возможна.

Таким способом действовало ООО «Маша и Медведь», инициировав ряд исков о защите в том числе авторских прав на рисунки персонажей одноименного мультсериала. При этом требования о защите товарных знаков, включающих изображения этих персонажей (рег. № 505856, 505857), приняты не были. В связи с тем, что на дату закупки товаров, содержащих спорные обозначения, охрана товарным знаком истца еще не была предоставлена (обозначения находились на регистрации), судами была взыскана компенсация только за нарушение авторских прав на рисунки⁵⁰.

В этом смысле показательна и история ООО «Си Ди Лэнд контакт», подававшего иски о взыскании компенсации за нарушение авторских прав на произведение изобразительного искусства – изображение полюбившейся многим скульптурной композиции «Ждун»⁵¹. В связи с наличием промышленного образца с более ранней датой приоритета⁵² и сходством до степени смешения поданного на регистрацию в качестве товарного знака изображения Ждуна с указанным промышленным образцом, в регистрации изобразительного товарного знака было отказано⁵³. Вместе с тем защита ООО «Си Ди Лэнд контакт» в качестве исключительного лицензиата на территории Российской Федерации прав на изображение Ждуна возможна и продолжается посредством реализации авторских прав⁵⁴.

Выводы

Складывающаяся практика, допол-

⁵⁰ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 1 февраля 2017 г. № С01-1240/2016 по делу № А71-914/2016, от 17 февраля 2017 г. № С01-1271/2016 по делу № А71-990/2016 и определение Верховного суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 309-ЭС17-5805 по делу № А71-990/2016.

ная существующие нормы, развивает и детализирует их. При этом в отдельных случаях она выходит за допустимые пределы судебного толкования в части соответствия формулируемых правовых позиций положениям гражданского законодательства и принципам право-

⁵¹ См., напр.: решение Арбитражного суда г. Москвы от 10 сентября 2018 г. по делу № А40-182074/17-110-1675 (ответчик – ПАО «Мегафон») (впоследствии отменено в связи с отказом от иска, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2018 г. № 09АП-57346/2018-ГК), постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2019 г. № 09АП-16109/2019-ГК, 09АП-16110/2019-ГК по делу № А40-182072/2017 (решение апелляционной инстанции, поддержанное в кассации (постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 ноября 2019 г. № С01-743/2019) и получившее отказ в передаче для рассмотрения в судебную коллегию Верховного суда Российской Федерации (определение Верховного суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 305-ЭС19-26821, ответчик – хоккейный клуб «Спартак»), постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 апреля 2019 г. № 09АП-6532/2019-ГК по делу № А40-240283/18 (поддержано решением апелляционной инстанции, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 апреля 2019 г. № 09АП-6532/2019-ГК, ответчик – ФГУП «Почта России»).

⁵² Интересно, что правообладателем данного промышленного образца является голландская художница, предоставившая исключительную лицензию ООО «Си Ди Лэнд контакт» на использование изображений Ждун на территории Российской Федерации на определенный срок. К заявке на регистрацию изобразительного обозначения было приложено письмо-согласие автора на регистрацию данного товарного знака, но подпунктом 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ не предусмотрена возможность регистрации в качестве товарных знаков сходных или тождественных промышленному образцу обозначений даже при наличии согласия правообладателя (заключение коллегии Палаты по патентным спорам от 26 апреля 2019 г. «По результатам рассмотрения возражения» (приложение к решению Роспатента от 19 июня 2019 г. по заявке № 2017726397).

⁵³ При этом словесное обозначение «Ждун» зарегистрировано (рег. № 690877).

⁵⁴ Начиная с августа 2017 г. компания инициировала значительное число дел о защите авторских прав на данное произведение//<https://kad.arbitr.ru/>

вой охраны тех или иных видов прав и объектов (в частности, в отношении ограничения свободы использования произведения, перешедшего в общественное достояние, путем регистрации товарного знака, включающего такое произведение).

Происходит взаимопроникновение и взаимовлияние режимов охраны авторских прав и прав на товарные знаки, что имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Так, категория «сходство до степени смешения» из правовой охраны товарных знаков привнесена в правовую охрану авторских прав, а конструкция изготовления трехмерного объекта, имитирующего двухмерное изображение товарного знака, – из авторско-правовой охраны в правовую охрану товарных знаков.

Дела, связанные с нарушением при регистрации товарных знаков требований подпункта 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, являются в том числе делами о недобросовестной конкуренции, в которых действия лица по регистрации товарного знака, содержащего известное в Российской Федерации произведение (его часть), тождественное ему или сходное с ним, без согласия правообладателя для индивидуализации товаров при их реализации должны признаваться недобросовестной конкуренцией по отношению к субъектам рынка.

Многие правообладатели полагают, что регистрация объектов авторских прав в качестве товарных знаков помогает более эффективно защищать эти объекты. Вместе с тем анализ практики подтверждает, что одинаково эффективно можно защищать как авторские права, так и права на товарные знаки. В связи с этим в отношении художественных произведений регистрация товарного знака не влечет преимуществ,

за исключением персонажей. Правообладателям следует регистрировать товарные знаки, содержащие персонажи, в случае, если персонаж будет использоваться самостоятельно, то есть отдельно от художественного произведения.

Список литературы

1. Бентли Л., Шерман Б. *Право интеллектуальной собственности: авторское право/Пер. с англ. В.Л.Вольфсона.* СПб.: юридический центр «Пресс», 2004.

2. Богуславский М.М. *Авторское право и товарные знаки/В сб. статей: Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы/Под ред. М.М.Богуславского и А.Г.Светланова.* М.: Волтерс Клувер, 2008.

3. Гаврилов Э.П. *Использование в товарных знаках произведений, охраняемых авторским правом//Патенты и лицензии.* 2010. № 6.

4. Гаврилов Э.П. *Комментарий к пункту 9 статьи 1483 ГК РФ//Патенты и лицензии.* Интеллектуальные права. 2017. № 8.

5. Городов О.А. *Право промышлен-*

ной собственности. М.: Статут, 2011.

6. Ивлиев Г.П. *Проблемы правосубъектности в деятельности Роспатента//Журнал российского права.* 2018. № 1.

7. *Право интеллектуальной собственности. Т. 2: Авторское право/Под ред. Л.А.Новоселовой.* М.: Статут, 2017.

8. *Право интеллектуальной собственности. Т. 3: Средства индивидуализации/Под ред. Л.А.Новоселовой.* М.: Статут, 2018.

9. Bouchoux D.E. *Intellectual Property: The Law of Trademarks, Copyrights, Patents and Trade Secrets.* 4-th ed. New York: Delmar, 2012.

10. Calboli I. *Overlapping Trademark and Copyright Protection: A Call for Concern and Action//Illinois Law Review.* 2014. Slip Opinions 25.

11. Colston C., Galloway J. *Modern Intellectual Property Law.* 3-d ed. London; New York: Routledge-Cavendish, Taylor & Francis Group, 2010.

12. *Intellectual Property and Private International Law/Ed. by J.J. Facett, P. Torremans.* 2-nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вы хотите получать журнал «ПАТЕНТЫ И ЛИЦЕНЗИИ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА» на 1–1,5 недели раньше выхода очередного номера из печати, мы готовы предложить вам **электронную версию журнала** (в формате PDF).

Цена электронной версии на **2021 г.** (без НДС):
на первое полугодие – 7200 руб., на год – 14400 руб.

Также мы можем предоставить вам с 1996 г. по настоящее время архив журнала «ПАТЕНТЫ И ЛИЦЕНЗИИ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА», а с 2005 г. – архив журнала «Патентный поверенный» (до 2010 г. в формате RTF).

*Наши банковские реквизиты, адрес и телефоны редакции
указаны на 4-й стр. обложки.*

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ В СФЕРЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

В статье А.С.Ворожевич – канд. юрид. наук, преподавателя кафедры гражданского права МГУ им. М.В.Ломоносова (arinavorozhevich@yandex.ru, Москва), анализируются перспективы и условия применения принудительного лицензирования в сфере авторского права как механизма обеспечения баланса частных и общественных интересов и пресечения действий правообладателя, противоречащих назначению исключительных авторских прав¹.

Ключевые слова: авторское право, правообладатель, принудительная лицензия, производство, границы исключительного права.

COMPULSORY LICENSING IN THE FIELD OF COPYRIGHT

The article of A.S.Vorozevich, PhD, Teacher of the Chair of Civil Law, Moscow State University after M.V.Lomonosov (Moscow, arinavorozhevich@yandex.ru), analyzes the prospects and conditions for applying compulsory licensing in the field of copyright as a mechanism for ensuring a balance of private and public interests and preventing the actions of the copyright holder that contradict the purpose of exclusive copyright.

Key words: copyright, copyright holder, compulsory license, work, limits of exclusive right.

Часть I

Институт принудительного лицензирования традиционно обсуждается в контексте патентного условия. Условия для выдачи принудительной лицензии на патентоохраняемые объекты установлены в ст. 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), ст. 5 Парижской конвенции

по охране промышленной собственности. В доктрине данный институт рассматривается в качестве важного механизма обеспечения баланса частных и общественных интересов при том, что в последние годы в российском праве ведутся активные дискуссии о (не) целесообразности расширения сферы его применения, в том числе в фармацевтической сфере².

Применительно к сфере авторского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00739.

² Подробнее см.: Ворожевич А.С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М., 2018. С. 148–220.

и смежного права принудительные лицензии не рассматриваются. Данный институт не предусмотрен ни в разделе «Авторское право» Соглашения ТРИПС, ни в нормативно-правовых актах ЕС. В то же время термин «*принудительное лицензирование*» используется в авторском законодательстве США. Так, в соответствии со ст. 115 Закона об авторском праве США³ предусмотрена возможность выдачи принудительных лицензий в отношении недраматических музыкальных композиций. Субъект может производить и распространять фонограммы недраматического музыкального произведения, в том числе посредством цифровой копии. Подобное использование возможно, если его цель состоит в распространении произведения среди общественности для частного использования, при этом такое произведение ранее было распространено среди общественности с согласия правообладателя.

Если субъект получает лицензию в целях создания и распространения цифровой фонограммы, необходимо, чтобы первая ее фиксация была сделана с разрешения правообладателя музыкального произведения, а правообладатель фонограммы имел право, предоставленное правообладателем музыкального произведения, на создание и распространение цифровой фонограммы. Для получения принудительной лицензии заинтересованное лицо должно направить соответствующее уведомление правообладателю, а в случае невозможности определения владельца авторских прав – в бюро авторского права США.

За использование фонограммы лицензиат должен выплачивать правообладателю роялти. Проще говоря, право-

³ <https://www.copyright.gov/title17/>

обладатель музыкальной композиции, однажды согласившись на запись и распространение его произведения на CD, MP3 и иных механических проигрывающих объектах, обязан в последующем лицензировать композицию всем иным лицензиатам по установленной государством цене. В доктрине данная лицензия называется «*механическая принудительная лицензия*» («*mechanical compulsory license*»)⁴.

К случаям принудительного лицензирования (хотя данный термин и не используется в законе) в доктрине относят и изъятие из исключительных прав, предусмотренное ст. 114 Закона об авторском праве США. В соответствии с данной нормой все цифровые распространители музыки, включая спутниковое и интернет-радио (неинтерактивные потоковые сервисы), вправе использовать любые записанные музыкальные композиции без согласия правообладателя при условии выплаты установленного государством гонорара.

Западная доктрина определяет принудительную лицензию на объекты авторского права в качестве одного из исключений, ограничений исключительных прав. Так, Р.Окидиджи выделяет две группы ограничений и исключений из авторских прав: связанные с предоставлением авторских прав и ограничения, накладываемые на предоставленные права⁵. Первые состоят из стандартов, которые указывают, какие материалы должны быть защищены авторским правом и/или в соответствующем объеме авторского права. К таким ограничениям автор относит: ди-

⁴ Jacob V. Reconceptualizing Compulsory Copyright Licenses//Stanford Law Review. 2020. Vol. 72.

⁵ Okediji R. The international copyright system: Limitations, Exceptions and Public Interest Considerations for Developing Countries//UNCTAD-ICTSD Issue Paper. 2006. № 15.

хотомию «охраняемая форма – произведение – неохраняемое содержание»; установленный перечень результатов интеллектуальной деятельности, которые не являются объектами авторского права; срок существования авторского права; ограничения, налагаемые условиями охраны.

Во второй группе ограничений и исключений выделяются два подтипа ограничений: компенсируемые и некомпенсируемые. К первым причисляют действия третьих лиц или практики с объектом авторского права, которые не входят в объем исключительного права правообладателя. Компенсируемые ограничения предполагают, что правообладатель не наделен возможностью контролировать использование своего произведения, но наделен возможностью получать вознаграждение (выплаты), которое служит элементом стимулирования в системе авторских прав. Таким образом, заключает Р.Окидиджи, компенсируемые ограничения представляют собой форму принудительной лицензии.

Некоторые российские ученые также определяют принудительную лицензию как одну из разновидностей (наряду со случаями свободного использования) ограничений авторских прав. В данном случае иное лицо получает возможность использовать произведение без согласия автора, но с выплатой вознаграждения. Такие лицензии называют также «недобровольные лицензии», «лицензии по закону»⁶. Если исходить из подобного понимания принудитель-

ной лицензии, то к случаям ее предоставления следует отнести норму п. 1 ст. 1245 ГК РФ, в соответствии с которой «авторам, исполнителям, изготовителям фонограмм и аудиовизуальных произведений принадлежит право на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений исключительно в личных целях».

Нетрудно заметить, что ученые отличают принудительные лицензии от случаев свободного использования (добросовестного использования в американском праве) на основании единственного критерия – необходимости выплаты правообладателю компенсации. При этом выделяют несколько подходов к соотношению данных институтов.

В соответствии с **первым** данные институты рассматриваются в качестве однопорядковых. Принудительное лицензирование представляет собой частный случай добросовестного использования. Оба института нацелены на обеспечение баланса между обеспечением общественного доступа к произведениям и поддержанием стимулирующей функции исключительных прав. Случаи принудительного лицензирования отличаются от добросовестного использования тем, что предполагают выплату правообладателю вознаграждения за использование. При этом отмечается, что если к анализируемому явлению подходить широко, то добросовестное использование также может быть определено как принудительное лицензирование с нулевой ценой.

Согласно **второму подходу** институт принудительного лицензирования находится за рамками добросовестного использования (случаев свободного использования). Принудительные ли-

⁶ Бузова Н.В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 23. С. 46; Кулагин Ю.В. Ограничения субъективных авторских прав по законодательству России и отдельных зарубежных стран: Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3–5.

цензии выдаются в случаях, когда использование иным лицом произведения представляет ценность. Между тем такое использование может причинить вред правообладателю, существенно нарушить его интересы, несмотря на то, что добросовестное использование произведения не должно препятствовать нормальному использованию произведения правообладателем.

Третий подход рассматривает принудительное лицензирование как механизм возмещения транзакционных издержек, имитации рыночных ставок, на которых стороны могли бы прийти к согласию, если бы не высокие транзакционные издержки⁷.

Следует отметить, что пока ни в одном правовом порядке не сложилось четкого понимания сущности природы принудительных лицензий на объекты авторского права. Предусмотренные американским законодательством условия и процедуры предоставления принудительных лицензий имеют мало общего с условиями выдачи принудительных лицензий на патентоохраняемые объекты. Действует принципиально иная логика, что нельзя оправдать особенностями различных результатов интеллектуальной деятельности.

В патентном праве, как это следует из ст. 5 Парижской конвенции, принудительная лицензия отвечает на злоупотребление правом. Она применима в случаях, когда субъект осуществляет свое исключительное право в противоречии с его социально-экономическим назначением. При этом суды всегда должны оценивать конкретный конфликт интересов, возникший в отношении использования спорного объекта интеллектуальной собственности

⁷ Обзор данных подходов см.: Jacob V. Указ. соч.

сти. Подобный подход представляется правильным, полностью отвечающим сущности принудительной лицензии.

Если рассматривать все возможные случаи выдачи принудительной лицензии на патентоохраняемые объекты (в мировом масштабе), то можно выделить следующие обстоятельства, подлежащие учету в данном случае. **Во-первых**, суды должны проанализировать интерес правообладателя, связанный с отказом в предоставлении доступа к своей разработке. Здесь, в частности, учитывается тот факт, что сам правообладатель не использует в течение длительного времени патентоохраняемый объект (данное условие предусмотрено п. 1 ст. 1362 ГК РФ). В таком случае можно предположить, что его интересы существенно не пострадают, если иное лицо получит возможность использовать объект на возмездных условиях. Может также учитываться тот фактор, что основной формой коммерциализации разработки для правообладателя было предоставление лицензии. Это также указывает на то, что при выдаче принудительной лицензии правомерные интересы правообладателя также существенно не пострадают.

Во-вторых, учитывается «*объективный критерий*» – особое социально-экономическое значение конкретного изобретения. Является ли такой объект важным звеном, ступенью куммулятивного инновационного процесса на определенном рынке? Служит ли он необходимым элементом для производства комплексного инновационного продукта? И, соответственно, может ли потенциальный лицензиат обеспечить инновационное развитие, производство такого продукта? Для чего именно нужен доступ к спорной разработке? Так, в соответствии с п. к ст. 31 Соглашения

ТРИПС и п. 2 ст. 1362 ГК РФ принудительная лицензия может быть предоставлена правообладателю патента на вторичное (зависимое) изобретение, которое не может быть использовано без доступа к основному изобретению. При этом необходимо, чтобы зависимое изобретение представляло собой важное техническое достижение, имеющее большое экономическое значение.

При установлении «*объектного критерия*» можно сделать выводы о том, какие именно интересы преследует заявитель, требуя предоставить принудительную лицензию, а также о том, на чьей стороне находятся общественные интересы, в том числе в инновационном развитии, предложении высокотехнологических продуктов потребителям. Очевидно, что обозначенные критерии всегда касаются конкретной ситуации, правового конфликта, а не всех патентных исключительных прав.

В то же время в вышеописанных случаях принудительного лицензирования произведений речь идет об изъятиях, которые установлены в отношении абсолютно всех исключительных прав на соответствующие (например, музыкальные произведения). В данном случае не учитывается ценность конкретного объекта с позиции инновационного либо культурного развития, готовность лицензиата предложить при условии доступа некий более ценный продукт. Речь идет об инструментах, обеспечивающих баланс типизированных интересов, характерных для авторского права. При этом конкретный конфликт интересов, возникший в отношении конкретного объекта, в связи с избранной правообладателем правореализационной моделью не исследуется. В таком случае принудительное лицензирование не подменяет (не восполняет) волю

правообладателя на выдачу лицензии в сфере его контроля. Оно, по сути, ущемляет способы использования чужого произведения, доступные любому третьему лицу. Использование термина «*принудительная лицензия*» здесь представляется некорректным.

Чтобы выстроить четкую систему возможных ограничений и изъятий из исключительных прав, необходимо преодолеть смешение границ исключительного права и пределов осуществления исключительных прав. Границы исключительного права представляют собой правовой институт, разделяющий сферу контроля правообладателя за использованием объекта и сферу свободного использования объекта всеми иными лицами. Внутри подобных границ правообладатель опирается на право, его действия представляют собой осуществление права. Он может запрещать всем иным лицам использовать объект. Снаружи любое иное лицо может использовать объект интеллектуальной собственности без согласия правообладателя.

Границы не зависят от поведения и действий правообладателя. Для их установления (применения) не требуется каких-либо дополнительных юридических фактов. Возможности правообладателя по контролю за использованием объекта интеллектуальной собственности с момента приобретения им исключительного права ограничены. При этом правообладатель не может их изменить, скорректировать, отодвинуть.

В общемировом масштабе сложилось два подхода к установлению содержательных границ исключительных прав.

Англо-американский подход основан на доктрине добросовестного ис-

пользования (fair use). В соответствии со ст. 107 Закона об авторском праве США правомерность действий по использованию чужого объекта авторского права должна оцениваться исходя из следующих критериев: цели использования, в том числе коммерческого или некоммерческого характера; характера произведения⁸; объема и существенности заимствования в отношении охраняемого произведения⁹; воздействия, которое такое использование оказывает на потенциальный рынок, или ценности охраняемого произведения.

Континентально-европейский подход предполагает установление на законодательном уровне перечня конкретных изъятий из исключительных прав – случаев свободного использования.

На основе доктрины добросовестного использования в США судебная практика определила такие же случаи свободного использования, как и те, которые установлены законодательством европейских стран, включая пародийное использование, правомерное цитирование и др. При этом условия правомерности подобных способов в обоих случаях схожи. Например, как в американском, так и в континентально-европейских правовых системах разрешается цитирование только правомерно опубликованных произведений¹⁰.

⁸ В данном случае суды анализируют сущность самой работы. Прежде всего учитывается присущий ей уровень творчества. Чем он выше, тем вероятнее, что использование будет квалифицировано как нарушение исключительного права.

⁹ При оценке действий пользователя на соответствие данному критерию учитываются количественные показатели использования (число копий, созданных нарушителем, объем используемой части произведения).

¹⁰ Подробнее см.: Ворожевич А.С. Доктрина добросовестного использования в сфере авторского права // Хозяйство и право. 2019. № 10. С. 41.

Пределы осуществления представляют собой правовое воздействие на поведение правообладателя, обеспечивающее соответствие конкретных правоприменительных практик институциональному назначению исключительного права. Их применение всегда зависит от действий правообладателя. Это прямо вытекает из сущности, назначения пределов, инструментов пресечения ненадлежащих способов, форм реализации субъективного права. В таком случае они всегда носят адресный характер: обращены против конкретного правообладателя, точнее, его конкретных действий по осуществлению права.

В данном случае речь идет о неких стандартах, тестах (совокупности условий), с позиции которых конкретная правоприменительная практика правообладателя (в том числе отказ в выдаче лицензии, предъявление иска о нарушении исключительного права) признается противоречащей функциям исключительного права и общественным интересам. Первым уровнем в данном случае выступает стандарт, установленный ст. 10 ГК РФ о незлоупотреблении правом. Вторым образуют специальные стандарты оценки поведения правообладателя, установленные для интеллектуальной собственности.

Принудительное лицензирование в патентной сфере выступает средством пресечения правоприменительных практик правообладателя, которые выходят за пределы осуществления исключительного права. Так, ст. 31 Соглашения ТРИПС и ст. 1362 ГК РФ как раз устанавливают специальный тест. Само по себе название данного института указывает на то, что он применяется в сфере контроля правообладателя, там, где для использования объекта требуется его разрешение. Проще говоря, в

границах исключительного права.

Что касается указанных выше случаев выдачи принудительной лицензии в авторском праве, то они определяют не пределы осуществления исключительного права, а его границы. Правообладатель в действительности не может контролировать подобное использование и запрещать его. Он может требовать лишь вознаграждения за использование. Между тем ключевым правомочием правообладателя является возможность (ограниченная определенными рамками) запрещать всем иным лицам использовать объект интеллектуальной собственности, отказывая в доступе к разработке. Исключительные права, как и вещные, основываются на стратегии исключения. Негативное правомочие является универсальным: оно есть у всех правообладателей (в отличие от иных правомочий).

Возможность использования объектов авторского права в соответствии с указанными принудительными лицензиями предусмотрена для неограниченного круга лиц. При этом принудительная лицензия никак не связана с действиями, поведением правообладателя. Она носит универсальный характер. Такую возможность несанкционированного использования указанными способами объектов авторских и смежных прав следует рассматривать в качестве случаев свободного использования. Они находятся вне рамок исключительного права. Право на вознаграждение, на которое может рассчитывать правообладатель, следует рассматривать не в качестве элемента исключительного права, а в качестве самостоятельного имущественного права правообладателя.

(окончание следует)

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ПРИПИСЫВАНИЕ АВТОРСТВА»

В.С.Витко – канд. юрид. наук (Москва, Vitko_v_s@mail.ru), полагает, что содержание понятия «приписывание авторства» не получило удовлетворительного объяснения в доктрине. Автор статьи выделяет признаки этого правового понятия и предлагает его определение: объявление (признание) автором собственного произведения или произведения другого автора третьего лица, не являющегося создателем произведения.

Ключевые слова: произведение, автор, третье лицо, авторские права, плагиат, приписывание авторства.

ON THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «ATTRIBUTION OF AUTHORSHIP»

V.S.Vitko, PhD (Moscow, Vitko_v_s@mail.ru), believes that the content of the concept of «attribution of authorship» has not been satisfactorily explained in the doctrine. The author of the article highlights the features of this legal concept and offers its definition: the declaration (recognition) of the author's own work or the work of another author of a third person who is not the creator of the work.

Key words: work, author, third party, copyright, plagiarism, attribution of authorship.

В доктрине авторского права исследователи указывают на ряд смежных правовых понятий, сходных с плагиатом, одним из которых является «*неправильная атрибуция произведения*» (приписывание авторства).

На одну из причин распространения приписывания авторства литературным произведениям справедливо указывал Н.В. Гоголь. В статье «Несколько слов о Пушкине» (вошла в первую часть «Арабесок») он писал, что под именем А.С. Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов, ему ложно приписывали «Лекарство от холеры», «Первую ночь» и т.п., что составляет «*обыкновенную участь таланта, пользующегося сильною известностью*», ведь «*стоило только кому-нибудь из досужих марателей выставить его имя на своем творении, уже оно расходилось повсюду*»¹.

В наше время этот вывод в большей части справедлив в отношении произведений изобразительного искусства, цена которых по существу определяется именем художника. Е.А. Павлова права, утверждая, что «*авторство конкретного художника влияет на цену произведения (картины, скульптуры, декоративного изделия) и на само решение о его приобретении по договору купли-продажи при переходе произведения в собственность лица, которое не намерено осуществлять его авторско-правовое использование*»².

В законодательстве гражданского

¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 7: Юношеские опыты. М.: Русская книга, 1994. С. 261.

² Павлова Е.А. Авторское право на произведения изобразительного искусства: Дисс. канд. юрид. наук. М., 1984. С. 42.

права не используется термин «*приписывание авторства*». При этом одни из исследователей считают его сходным, но отличным от плагиата явлением³, другие признают плагиатом. Так,

В.А. Белов считает, что плагиат может состоять также в приписывании авторства другим лицам⁴. Другой исследователь пишет, что «*плагиат может выражаться в выдаче за автора чужого произведения другого конкретного лица*»⁵. С. Гришаев убежден, что плагиат будет в случае, «*когда в качестве автора указывается имя третьего*

лица, хотя таковым оно не является»⁶. Но есть ли основания смотреть на приписывание авторства таким образом?

Полагаем, что явление, называемое в юридической литературе «*неправильная атрибуция произведения*», «*антиплагиат*» или «*приписывание авторства*», составляет правовую проблему, которая, однако, скупо разработана в доктрине и поэтому требует исследования. В целях правовой квалификации действий, связанных с приписыванием авторства, зададимся вопросом: **в чем может состоять юридический смысл используемых исследователями категорий в понятиях авторского права?**

Согласно словарю С.И. Ожегова слово «*приписать*» означает счесть исхо-

³ Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. С. 780.

⁴ Белов В.А. Гражданское право: общая и особенная части: Учебник. М.: ЮрИнфоР, 2003. С. 628.

⁵ Титов С.Н. Объективная сторона преступного присвоения авторства/В сб. научных трудов: Методология и практика современной юриспруденции. М.: Научное обозрение, 2013. С. 94.

⁶ Гришаев С. Плагиат: вопросы теории и практики//Хозяйство и право. 2013. № 10. С. 5.

дядим от кого-чего-нибудь, принадлежащим кому-нибудь⁷. Исходя из этого под приписыванием авторства следует понимать объявление лицом в качестве автора воспроизведенного им произведения (или его части) третьего лица – не его создателя. При этом одного сообщения лицу или публике о том, что автором произведения является третье лицо, недостаточно для квалификации такого действия как приписывание авторства. Поскольку третье лицо может быть объявлено автором также и произведения, созданного собственным творческим трудом, приписывание авторства следует характеризовать как объявление (признание) автором собственного произведения или произведения другого автора третьего лица, не являющегося создателем произведения. При этом под произведением понимается произведение как целое или любая его часть, являющаяся результатом творческого труда автора.

Какие авторские права на произведение могут быть нарушены в случае приписывании авторства третьему лицу? В отношениях, связанных с приписыванием авторства, выступают три субъекта гражданского права: лицо, приписывающее авторство, создатель (автор) произведения и третье лицо, которому приписывается авторство на произведение, созданное другим автором.

Лицо, приписывающее авторство, использует чужое произведение тем или иным способом по смыслу ст. 1270 ГК РФ (чаще всего путем воспроизведения) без согласия его автора и при этом объявляет в качестве его автора не создателя произведения, а третье лицо. Это лицо не может быть признано

плагиатором, потому что не самого себя признает (объявляет) автором чужого произведения. Однако это лицо нарушает следующие авторские права создателя произведения: исключительное право на произведение подлинного автора, поскольку использует его в смысле ст. 1270 ГК РФ; право авторства, поскольку в качестве автора в нарушение ст. 1257 ГК РФ не указывает создателя произведения; право на авторское имя, так как использует произведение не под именем автора.

Поскольку третье лицо может быть объявлено автором и собственного произведения, использование которого не нарушает исключительное право его создателя, такой признак как нарушение исключительного права возможен, но не необходим при приписывании авторства. По этой причине его нельзя считать специальным признаком понятия «*приписывание авторства*».

Таким образом, лицо, приписывающее авторство на произведение третьему лицу, нельзя упрекнуть в плагиате ввиду того, что при наличии первого необходимого условия – повторения оригинальной формы⁸, в которой изложена мысль автором, недостает такого необходимого признака как объявление себя автором произведения. Отсюда отличие приписывания авторства от плагиата, состоящее в том, что лицо, приписывающее авторство, объявляет автором собственного или чужого произведения третье лицо, тогда как плагиатор объявляет автором чужого произведения себя. Действия лица по приписыванию авторства нарушают такие права автора произведения как право авторства

⁷ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование. 2018. С. 483.

⁸ Необходимо подчеркнуть, что одного сообщения об авторстве третьего лица на произведение без его использования тем или иным способом недостаточно для квалификации в качестве приписывания авторства.

и право на имя. Кроме того, ими могут быть нарушены исключительное право, иные личные неимущественные права автора (право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения), а также личные права (ст. 150 ГК РФ) третьего лица.

Третье лицо (по отношению к приписываемому лицу и подлинному автору произведения), которому приписывается авторство на чужое произведение, также не может быть признано плагиатором. **Во-первых**, это лицо своими действиями не использует чужое произведение, в частности, не воспроизводит форму изложения мысли, созданную автором. **Во-вторых**, поскольку согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане приобретают свои гражданские права своей волей и в своем интересе, немыслимо упрекнуть третье лицо в плагиате в отсутствие выраженной им воли при объявлении якобы его авторства на чужое произведение. Поэтому иначе чем заблуждением нельзя назвать возможный упрек третьему лицу в присвоении им права авторства. Не лишним будет заметить, что право авторства – неотчуждаемое и непередаваемое (п. 1 ст. 1265 ГК РФ) и не может быть никому передано и тем самым присвоено.

Таким образом, третье лицо, которому приписывается авторство на чужое произведение, не является нарушителем авторских прав на произведение. При этом не могут быть нарушены его авторские права, поскольку третье лицо не создавало произведение, авторство на которое ему приписывается. Тем самым на это произведение у него не может быть никаких авторских прав. Несуществующие авторские права, конечно, нарушить невозможно.

Однако приписыванием третьему лицу авторства может быть задета его честь, достоинство и доброе имя (ст.

150 ГК РФ). Так, в одном деле суд отметил, что указанные в качестве авторов книги лица не представили доказательств того, что не имеют отношения к ее написанию, не заявляли о нарушении кем-либо установленного ст. 19, 150 ГК РФ их права на имя. На этом основании суд пришел к выводу, что имена этих лиц указаны на книге не помимо их воли⁹.

Кроме того, наряду с подлинным автором третьему лицу могут быть причинены душевные муки. Так, Н.В.Гоголь в письме к матери от 19 декабря 1830 г. писал: *«Вы мне приписываете те сочинения, которых бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. Зачем марать мое доброе, еще не запятнанное ничем имя?»*¹⁰. Приписывание авторства третьему лицу может также задевать интересы и иных лиц. Так, по признанию К.И.Чуковского, *«в 1914 году я написал по ее (Веры Репиной. – В.В.) рассказам воспоминания об ее отце и поместил за ее подписью в «Ниве». Очень жалею, что приписал ей авторство статьи – так это сбивает с толку биографов Репина»*¹¹.

Таким образом, в случае приписывания авторства на чужое произведение третьему лицу это лицо не является плагиатором, а также не нарушает авторские права создателя произведения. Напротив, при этом могут быть затронуты его личные права (ст. 150 ГК РФ), которые подлежат защите общими нормами гражданского права. Некогда В.Л.Суховерский писал, что *«нормы авторского... права охраняют автора от присвоения результатов его духовного творчества, но не могут защитить интересы лица, которому*

⁹ Решение Сухоложского городского суда Свердловской области от 17 февраля 2011 г. по делу № 2-30/2011.

¹⁰ Гилпиус В. Гоголь. М.: Аграф, 1999. С. 38.

¹¹ Чуковский К.И. Дневник. В 3-х т. Т. 1: 1901–1921. М.: ПРОЗАИК, 2012. С. 533.

авторство приписано в силу ошибки, небрежности или умысла других лиц... Приписывание авторства лицу, не являющемуся автором, может быть не менее болезненно для него, чем посягательство на его авторство, особенно когда это не совпадает с эстетическими, политическими, научными или нравственными взглядами человека или даже противоречит им»¹².

При приписывании авторства всегда нарушаются такие права создателя произведения как право авторства и право автора на имя. При этом также могут быть нарушены право на неприкосновенность произведения и право на обнародование произведения. Кроме того, приписывание авторства другому лицу затрагивает честь и доброе имя автора, ведь честь человека страдает и в случае присвоения кем-либо его заслуг¹³.

Таким образом, из сказанного можно заключить, что в случае приписывания авторства происходит разрыв необходимых признаков плагиата, и потому это правовое явление невозможно квалифицировать в качестве плагиата:

лицо, приписывающее авторство, повторяет форму изложения мысли, созданную собственным творческим трудом или трудом другого автора, однако не объявляет самого себя автором;

лицо, которому приписывают авторство на собственное или чужое произведение, не только не объявляет себя автором, но и не повторяет форму изложения мысли, созданную творческим трудом автора.

К примеру, в одном заслуживающем внимания исследовании говорится, что

«под объективной формой произведения, по мнению Д.Цветкова, понимается, в частности, и его «существование в устной форме, без закрепления на материальном носителе. Ведь, как известно, многие стихи, написанные А.А.Ахматовой в годы войны, не были записаны автором и хранились в памяти Л.К.Чуковской»^{14, 15}. Однако в статье Д.Цветкова такого выражения нет. В действительности автором последней неточно изложенной фразы: «Как известно, некоторые свои стихи А.А. Ахматова не записывала, а лишь читала своим слушателям, например, Л.К.Чуковской, которые их и хранили в своей памяти», – является другое лицо¹⁶.

Однако из приписывания Д.Цветкову помимо его воли авторства спорной фразы нельзя сделать вывод о том, что он – плагиатор, поскольку он не совершал действий по воспроизведению фразы, что является необходимым признаком плагиата. Но при этом в плагиате нельзя упрекнуть и исследователя, поскольку он не указал себя в качестве автора спорной фразы. Думаем, что в данном случае указание неверного авторства лишь досадная ошибка.

Итак, нарушение авторских прав, связанное с приписыванием авторства, подлежит регулированию авторским правом. При этом такие нематериальные блага личности как достоинство, честь, доброе имя, имя гражданина, принадлежащие гражданину от рождения (ст. 19, 150 ГК РФ), подлежат защите общими нормами гражданского права.

Завершая исследование содержания понятия «*приписывание автор-*

¹⁴ Цветков Д. Что охраняет авторское право? // ЭЖ-Юрист. 2015. № 3. С. 1.

¹⁵ Рахматулина Р.Ш. Концептуальные основы построения системы объектов авторского права: Дисс. докт. юрид. наук. М., 2020. С. 215.

¹⁶ Витко В.С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. М.: Статут, 2017. С. 120.

¹² Суховерский В.Л. О развитии гражданско-правовой охраны личных неимущественных прав и интересов граждан // Правоведение. 1972. № 3. С. 28.

¹³ Там же. С. 27.

ства», полагаем возможным сформулировать следующие **выводы**.

Признаками понятия «*приписывание авторства*» являются:

использование произведения (или его части), созданного собственным творческим трудом или трудом другого автора;

объявление автором собственного или чужого произведения (или его части) третьего лица.

Приписывание авторства можно определить как объявление (признание) автором произведения (или его части), созданного собственным творческим трудом или используемого произведения другого автора, третьего лица, не являющегося создателем произведения.

Приписывание авторства нарушает авторские права, однако его невозможно квалифицировать как плагиат по причине отсутствия необходимых признаков:

лицо, приписывающее авторство, повторяет форму изложения мысли, созданную собственным творческим трудом или другим автором, однако не объявляет самого себя автором;

лицо, которому приписывают авторство на собственное или чужое произведение, не только не объявляет себя автором, но и не повторяет форму изложения мысли, созданную творческим трудом других авторов.

Отличие приписывания авторства от плагиата состоит в том, что лицо, приписывающее авторство, объявляет автором собственного или чужого произведения (или его части) третье лицо, тогда как плагиатор объявляет автором чужого произведения себя.

Полагаю, что ст. 1265 ГК РФ необходимо дополнить п. 3 в следующей редакции: «*приписывание авторства – объявление (признание) автором соб-*

ственного произведения или произведения другого автора третьего лица, не являющегося создателем произведения».

Список литературы

1. Белов В.А. *Гражданское право: общая и особенная части: Учебник*. М.: ЮрИнфоР, 2003.

2. Витко В.С. *О признаках понятия «плагиат» в авторском праве*. М.: Статут, 2017.

3. Гаврилов Э.П. *Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век*. М.: Юрсервитум, 2016.

4. Гиппиус В. *Гоголь*. М.: Аграф, 1999.

5. Гоголь Н.В. *Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 7: Юношеские опыты*. М.: Русская книга, 1994.

6. Гришаев С. *Плагиат: вопросы теории и практики//Хозяйство и право*. 2013. № 10.

7. Павлова Е.А. *Авторское право на произведения изобразительного искусства: Дисс. канд. юрид. наук*. М., 1984.

8. Рахматулина Р.Ш. *Концептуальные основы построения системы объектов авторского права: Дисс. докт. юрид. наук*. М., 2020.

9. Суховерский В.Л. *О развитии гражданско-правовой охраны личных неимущественных прав и интересов граждан//Правоведение*. 1972. № 3.

10. Титов С.Н. *Объективная сторона преступного присвоения авторства/В сб. научных трудов: Методология и практика современной юриспруденции*. М.: Научное обозрение, 2013.

11. Цветков Д. *Что охраняет авторское право?//ЭЖ-Юрист*. 2015. № 3.

12. Чуковский К.И. *Дневник. В 3-х т. Т. 1: 1901–1921*. М.: ПРОЗАиК, 2012.

ЗАЩИТА ТОВАРНОГО ЗНАКА ОТ ЕГО НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЕТЬИМ ЛИЦОМ В ДОМЕННОМ ИМЕНИ

СУДЕБНЫЕ
СПОРЫ

В статье Н.Н.Кириллова – юрисконсульта ООО «Ай-Кью технолоджи», магистранта Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург, kirillov295@gmail.com), проанализированы правовые основы использования товарного знака в доменном имени сайта. Исследованы потенциальные сложности, с которыми может столкнуться правообладатель исключительных прав на товарный знак при выявлении в сети Интернет сайта с доменным именем, нарушающим права на товарный знак. На основе своей практической деятельности автором сформулирован и предложен к применению алгоритм действий для правообладателей исключительных прав на товарный знак при иницировании судебной защиты с целью разделения домена и его последующей передачи правообладателю.

Ключевые слова: товарный знак, правообладатель, исключительное право, третье лицо, доменное имя, судебная защита.

PROTECTION OF A TRADEMARK FROM ITS UNFAIR USE BY A THIRD PARTY IN A DOMAIN NAME
In the article of N.N.Kirillov, Legal adviser of company «IQ Technologies», master's student of the Saint Petersburg National Research University of information technologies, mechanics and optics (Saint Petersburg, kirillov295@gmail.com), analyzed the legal basis for the use of a trademark in the domain name. The potential difficulties that the copyright holder of exclusive rights to a trademark may face when identifying a website with a domain name that violates trademark rights on the Internet are investigated. Based on his practical work, the author formulated and proposed an algorithm of actions for copyright holders of exclusive trademark rights when initiating judicial protection in order to divide the domain and then transfer it to the copyright holder.

Key words: trademark, copyright holder, exclusive right, third party, domain name, judicial protection.

В настоящее время доменное имя, ранее служившее исключительно для идентификации адреса сайта в сети Интернет, стало важным средством формирования бренда компании аналогично таким статусным средствам индивидуализации как товарный знак, фирменное наименование и другие средства индивидуализации.

Прежде чем раскрывать содержание

процедуры судебной защиты товарного знака от его недобросовестного использования третьим лицом в доменном имени, необходимо дать определение используемому термину. Так, под понятием «*товарный знак*» подразумевается обозначение, служащее для индивидуализации товаров и услуг юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (п. 1 ст. 1477 ГК РФ). Следует

отметить, что определения доменного имени в ГК РФ нет, но в соответствии с подпунктом 15 ст. 2 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» доменное имя – это обозначение символами, предназначенное для переадресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети Интернет¹.

Исходя из этих определений товарный знак и доменное имя имеют совершенно различное функциональное назначение и не должны пересекаться в повседневной коммерческой деятельности организаций. Однако между этими понятиями существует устойчивая связь, которая приводит к многочисленным судебным спорам². Так, в соответствии со ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности, путем размещения товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

В соответствии с данной статьей товарный знак и доменное имя в некоторых случаях служат для решения одних и тех же задач и являются синонимами. Данная позиция закреплена постановлением президиума Высшего арбитражного суда Российской Федера-

¹ Перельгин К.И. Использование товарных знаков в доменных именах//Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. Июнь. С. 78.

² Витко В., Цатурян Е. Споры в сфере доменных имен и товарных знаков//ЭЖ-Юрист. 2015. № 16. С. 11.

ции от 16 января 2001 г. № 1192/00, в котором указано: *«Доменные имена фактически трансформировались в средство, выполняющее функцию товарного знака, который дает возможность отличать соответственно товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц. Кроме того, доменные имена, содержащие товарные знаки или торговые наименования, имеют коммерческую стоимость».*

Иными словами, лицо, обладающее исключительными правами на тот или иной товарный знак, вправе использовать его в доменном имени и при других способах адресации в сети Интернет. Более того, никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.

На основе своей практической деятельности автором сформулирован и предложен к применению **алгоритм действий правообладателя исключительных прав на товарный знак при иницировании судебной процедуры защиты нарушенных прав с целью разделение домена и его последующей передачи правообладателю, включающий следующие процедуры:**

выявление в сети Интернет домена, в котором неправомерно используется товарный знак или сходное до

*степени смешения обозначение;
проверка однородности деятельности,
осуществляемой на сайте с использованием
неправомерного домена, и классов МКТУ,
в отношении которых зарегистрирован
товарный знак;
выявление лица, к которому могут
быть предъявлены требования об
устранении нарушений;
соблюдение досудебного претензионного
порядка;
принятие досудебных ограничительных
мер через координационный центр
доменов .RU/РФ;
инициирование судебного разбирательства
и принятие судебных ограничительных
мер.*

Рассмотрим более подробно каждую из указанных процедур. Прежде всего необходимо отметить, что сегодня не существует единообразного подхода к поиску доменов, содержащих нарушения исключительных прав конкретного правообладателя. Для выявления в сети Интернет домена, в котором неправомерно используется товарный знак или сходное до степени смешения обозначение, могут использоваться комбинированные методы поиска спорных доменов, нарушающих исключительные права правообладателя, на основе ручного и автоматического (с использованием специальных программ-парсеров) мониторинга сети Интернет,

Вторая важная процедура – проверка однородности деятельности, осуществляемой на сайте с использованием неправомерного домена, и классов МКТУ, в отношении которых зарегистрирован товарный знак. Следует сказать, что перечень классов МКТУ, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, является одним из важнейших признаков товарного знака, поскольку исключительные права правообладате-

ля товарного знака распространяются только на товары или услуги, для индивидуализации которых он зарегистрирован, либо на однородные товары.

Одним из наиболее сложных подлежащих решению видится вопрос о выявлении надлежащего лица, которое нарушило исключительные права на товарный знак, неправомерно используя его в качестве доменного имени, и к которому могут быть предъявлены требования об устранении нарушений. Сложность данной процедуры обусловлена не только большим объемом официальной переписки, но и двойственностью ситуации.

Так, в первом случае надлежащим лицом, к которому возможно предъявить требования в рамках доменного спора, выступает администратор доменного имени. Администратор доменного имени – это физическое или юридическое лицо, которое определяет порядок использования домена, несет ответственность за его выбор, возможные нарушения прав третьих лиц, связанные с выбором и использованием доменного имени, а также несет риск убытков, связанных с такими нарушениями.

Как правило, администраторами большинства доменов являются физические лица. Зачастую администратор домена – это сотрудник или генеральный директор организации, осуществляющей деятельность на сайте, что позволяет организации избежать сложностей при бухгалтерском и налоговом учете доменного имени.

Получить информацию об администраторе, который, по мнению заявителя, нарушает его права, возможно посредством автоматизированной службы WHOIS. Однако законодательство о персональных данных позволяет

скрыть информацию о действительном администраторе доменного имени, что осложняет правообладателю инициирование судебного разбирательства. Так, например, в связи с ужесточением требований о соблюдении федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» зачастую информация об администраторе домена – физическом лице, будет скрыта под наименованием «Private Person» (частное лицо).

Поэтому для получения информации о реальном администраторе домена следует обратиться по адресу регистратора доменного имени с письменным мотивированным запросом. В соответствии с п. 9.1.5 Правил регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ регистратор вправе сообщить информацию о полном наименовании (имени) администратора и его местонахождении (местожительстве) по письменному мотивированному запросу третьих лиц, содержащему обязательство использовать полученную информацию исключительно для целей предъявления судебного иска.

Во втором случае действительный администратор сдает домен третьим лицам. В данной ситуации требования об устранении нарушений могут быть предъявлены не только к официальному администратору домена, но и к лицу, осуществляющему коммерческую деятельность на сайте, которое может и не являться администратором домена, название которого тождественно или сходно до степени смешения с товарным знаком правообладателя. Так, в подпункте 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ указано, что защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации осуществляется, в частности,

путем предъявления требования о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, к лицу, их совершающему, а также к иным лицам, которые могут пресечь такие действия.

Однако возможен и исход событий, при котором администратором доменного имени является юридическое лицо. В таком случае в отчете автоматизированной службы WHOIS будет указано наименование юридического лица и его регистрационные данные.

После выявления надлежащего лица, которое нарушает исключительные права правообладателя на товарный знак, следующей обязательной процедурой является соблюдение досудебного претензионного порядка. Следует отметить, что претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора обязателен в случаях, предусмотренных законом или договором (часть 5 ст. 4 АПК, п. 3 ст. 132 ГПК, часть 7 п. 1 ст. 126 АПК РФ). Это прежде всего связано с тем, что с некоторой долей вероятности спор может разрешиться без инициирования процедуры судебного разбирательства.

С процедурой соблюдения досудебного претензионного порядка связана процедура принятия досудебных ограничительных мер через координационный центр доменов .RU/РФ. Введение ограничений необходимо, чтобы избежать возможности изменения регистратора доменного имени на иную организацию-регистратора, в том числе и зарубежную, замены администратора домена иным физическим или юридическим лицом, а также аннулирования доменного имени и регистрации. Ограничения вводятся только по заявлению правообладателя исключительных прав на товарный знак и фактически испол-

няются исключительно регистратором домена.

При возникновении спора в отношении доменных имен регистратором применяются досудебные ограничения на действия с доменными именами. Они применяются до предъявления иска правообладателем и имеют целью обеспечить возможность реализации правообладателем защиты своих исключительных прав путем предъявления исковых требований к администратору. Досудебные ограничения на действия с доменными именами представляют собой устанавливаемый регистратором временный запрет на аннулирование регистрации доменного имени, передачу права администрирования другому лицу, а также на передачу другому регистратору поддержки сведений о доменном имени, в отношении которого поступило заявление.

Основанием для применения досудебных ограничений служит заявление правообладателя товарного знака о принятии таких ограничений в связи с нарушением его исключительных прав на товарный знак вследствие регистрации администратором доменного имени. Важно, что досудебные ограничения устанавливаются на 14 календарных дней с момента установления регистратором в реестре данных ограничений. Форма заявления о принятии обеспечительных мер размещена на официальном сайте координационного центра доменов .RU/.PF в разделе «Полезные материалы».

В случае невозможности решения спора и пресечения незаконного использования товарного знака в качестве доменного имени в ходе досудебного претензионного порядка наступает конечная процедура инициирования судебного разбирательства и принятие

судебных ограничительных мер. Учитывая, что согласно ст. 1478 ГК РФ обладателями исключительных прав на товарный знак являются юридические лица или индивидуальные предприниматели, инициирование судебного разбирательства по защите нарушенных исключительных прав, как правило, осуществляется через систему арбитражных судов. Рассмотрение доменных споров в арбитражном суде имеет ряд неоспоримых преимуществ перед рассмотрением дела в системе судов общей юрисдикции. Это, например, возможность использования системы «Электронное правосудие» – картотеки арбитражных дел для подачи искового заявления и иных процессуально значимых документов, равно как и для отслеживания движения дела в целом.

В связи с этим приобретает актуальность возможность предъявления в арбитражный суд требований к физическому лицу – администратору домена. Доменные споры с участием иностранного лица п. 9 части 1 ст. 247 АПК РФ напрямую отнесены к подведомственности арбитражных судов: *«Арбитражные суды в Российской Федерации рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, с участием иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность (далее – иностранные лица), в случае, если:*

спор возник из отношений, связанных с государственной регистрацией имен и других объектов и оказанием услуг в международной ассоциации информационно-телекоммуникационных

сетей «Интернет» на территории Российской Федерации».

Однако возникает вопрос: имеются ли основания у российского правообладателя исключительных прав на товарный знак для предъявления требований в арбитражный суд к физическому лицу – администратору домена?

Нельзя не отметить тенденцию, заданную судом в п. 4 раздела 6 обзора президиума Верховного суда Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 1 «Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации 1 (2014)», в соответствии с которым гражданин может выступать истцом или ответчиком в арбитражном суде, если на момент обращения в арбитражный суд он имеет статус индивидуального предпринимателя. С учетом введения Верховным судом Российской Федерации

нового критерия наличия формального статуса определение подведомственности значительно упростилось. Теперь истец и суд должны ответить на один вопрос: имелся ли у ответчика – физического лица статус индивидуального предпринимателя на момент подачи иска? При положительном ответе дело должно рассматриваться в арбитражном суде. В остальных случаях – в суде общей юрисдикции.

Список литературы

1. Витко В., Цатурян Е.. Споры в сфере доменных имен и товарных знаков//ЭЖ-Юрист. 2015. № 16.

2. Перельгин К.И. Использование товарных знаков в доменных именах// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. Июнь.

Уважаемые коллеги!

Редакция недорого и оперативно представит ваши достижения всему миру. Реклама в нашем журнале повысит ваш рейтинг, поможет добиться успеха, найти клиентов и партнеров по бизнесу.

Помните, что ваш товар особенный – интеллектуальный, и поэтому доверить его можно только профессионалам.

Вы готовы? Поговорим о цене:

цена 1 полосы — 24 тыс. руб. (без НДС),

1/2 полосы — 12 тыс. руб. (без НДС),

1/3 полосы — 8 тыс. руб. (без НДС).

Если вы хотите увидеть свою рекламу в цвете,

цена 1 полосы — от 56 тыс. руб. (без НДС).

Технические требования к макету:

формат (обрезной) – 167,5 × 240 мм (+5 мм на обрезку),

цветовая модель – CMYK,

разрешение – 300 dpi,

форматы файлов – PDF, EPS (иллюстратор v5 или ниже),

TIF, JPG (без компрессии).

Возможно изготовление оригинал-макета силами редакции.

ИНСТИТУТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА,
ПРОБЛЕМЫ

В статье С.А.Агамагомедовой – канд. социолог. наук, канд. юрид. наук, доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета (г. Пенза, saniyat_aga@mail.ru), выделены закономерности влияния экономической интеграции на институт интеллектуальной собственности. К ним отнесены горизонтальное и вертикальное воздействие на регулирование института, усиление принципов регуляции отношений в области интеллектуальной собственности, противоречие между территориальной ограниченностью интеллектуальной собственности и базовыми целями экономической интеграции, неравномерность различных уровней защиты интеллектуальных прав и др. Сделан вывод о целесообразности и эффективности региональных механизмов охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, экономическая интеграция, частные и публичные интересы, таможенная защита, гармонизация, унификация.

INSTITUTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF ECONOMIC INTEGRATION
In the article of S.A. Agamagomedova, PhD (law and sociology), associate Professor of the Chair of state and legal disciplines, Penza State University (Penza) saniyat_aga@mail.ru, the regularities of the influence of economic integration on the Institution of intellectual property are highlighted. These include the horizontal and vertical impact on the regulation of the institution, the strengthening of the principles of regulation of relations in the field of intellectual property, the contradiction between the territorial limitation of intellectual property and the basic goals of economic integration, the unevenness of various levels of protection of intellectual rights, etc. The conclusion is made about the expediency and effectiveness of regional mechanisms for the protection and protection of intellectual property.

Key words: intellectual property, economic integration, private and public interests, customs protection, harmonization, unification.

Институт интеллектуальной собственности, носящий комплексный, междисциплинарный характер, закономерно подвергается трансформации под воздействием ряда факторов. Важнейший из них – межгосударственная экономическая интеграция. Несмотря на признание воздействия интеграционных

процессов на современную действительность ученым еще предстоит изучить их влияние на правовое развитие в целом, на отдельные правовые институты и процессы¹. Институт интел-

¹ Хабриева Т.Я. Правовая система Российской Федерации в условиях международной интеграции // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 3. С. 195.

лектуальной собственности, имеющий правовое и экономическое содержание, подвержен воздействию интеграции. Рассмотрим закономерности и особенности данного процесса.

В условиях экономической интеграции институт интеллектуальной собственности меняется в соответствии с двумя ключевыми аспектами. **Во-первых**, механизмы создания, использования и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в условиях единой экономической территории меняются, поскольку обусловлены экономическими отношениями. Э.П.Гаврилов справедливо обращает внимание на обслуживающий характер регуляции интеллектуальных прав применительно к отношениям экономическим². Последние доминируют в данной связке.

Подобное в интеграционных процессах в области экономического регулирования и интеллектуальной собственности присуще различным моделям интеграционных образований. Так, А.И.Абдуллин применительно к Европейскому союзу говорит о том, что причины и предпосылки интеграционных процессов в сфере интеллектуальной собственности лежат исключительно в экономической плоскости и детерминированы императивами рыночной экономики³. Все это еще раз подтверждает экономическую природу института интеллектуальной собственности.

Во-вторых, экономическое единение государств, формирование единых или скоординированных отраслей

экономики обеспечивается созданием наднационального (интеграционного) уровня нормативно-правового регулирования. Его частью является регулирование отношений в области создания, использования и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, что обусловлено прежде всего содержанием интеллектуальной собственности как правового института.

Следует выделить несколько значимых закономерностей в процессах влияния экономической интеграции на институт интеллектуальной собственности. **Во-первых**, существует горизонтальное и вертикальное воздействие на интеграционные механизмы создания, использования и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. В первом случае речь идет о влиянии специфики национального регулирования в данной сфере в государствах – участниках интеграционного процесса. Так, несмотря на исторически сложившуюся общность правовой традиции в государствах – членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) регуляция отношений в сфере интеллектуальной собственности в них различается (например, в перечне объектов интеллектуальной собственности, подлежащих национальной защите, в способах реализации принципа исчерпания прав на эти объекты). При генерации интеграционных механизмов защиты происходит своего рода естественный отбор национальных моделей регулирования в данной сфере (их элементами) в пользу наиболее приемлемых и оптимальных для регуляции в ЕАЭС.

Более отчетливо воздействие универсальных международных стандартов в области интеллектуальной собственности на интеграционное законодательство (вертикальное воздействие). Мы уже обращали внимание на то, что

² Гаврилов Э.П. Патенты на изобретения в странах Таможенного союза в аспекте международного частного права//Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2014. № 1. С. 22–28.

³ Абдуллин А.И. Право интеллектуальной собственности в Европейском союзе: генезис, унификация, перспективы развития: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М., 2006. С. 9–10.

влияние принципов и постулатов международных соглашений и актов в области интеллектуальной собственности на национальные законодательства в этой области в условиях интеграции сменяется на процесс их влияния на промежуточный уровень регулирования – интеграционное образование (его еще можно назвать макроэкономическим уровнем)⁴. Это обуславливает скорость инкорпорации международных принципов и обязательных (минимальных или рекомендуемых) требований в области интеллектуальных прав в национальные законодательства об интеллектуальной собственности посредством промежуточного интеграционного уровня.

Во-вторых, следует отметить роль принципов в регуляции общественных отношений в области интеллектуальной собственности. Ученые обращают внимание на возрастающую роль принципов в регуляции общественных отношений в контексте глобализационных изменений⁵. Влияние универсальных международных принципов на национальное законодательство оказывалось всегда, но в условиях интеграционных процессов оно усилилось. В связи с этим Ю.А.Тихомиров говорит о своеобразном цикле движения принципов: национальные предметы трансформируются в международные в виде принципов, нормативных понятий и стандартов и затем возвращаются в сферы внутреннего права в иной юридической оболочке⁶.

В контексте евразийской экономи-

ческой интеграции мы наблюдаем унификацию принципов регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, которой предшествует унификация правового обеспечения этой сферы как такового⁷. Это отражает определенную стадийность, постепенность процессов создания полноценного интеграционного уровня правовой регуляции отношений в области интеллектуальной собственности.

В-третьих, любое экономическое объединение государств на определенном этапе сближения сталкивается с ключевой проблемой интеграционного уровня охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Речь идет о закономерном противоречии между территориальным характером интеллектуальных прав и базовыми целями и задачами интеграционного объединения, которые заключаются в обеспечении свободы движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы. Выход из этого противоречия в Европейском союзе (ЕС) был найден в расширении территориальной ограниченности права интеллектуальной собственности с территории одного государства – члена ЕС до масштабов всего европейского интеграционного объединения, что выразилось в закреплении так называемого принципа коммунитарного исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности⁸. Аналогичный прием был использован и в ЕАЭС, где закреплён региональный принцип исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности (п. 16 приложения № 26 к Договору о Ев-

⁴ См., например: Агамагомедова С.А. Взаимовлияние международного и национального права в сфере трансграничной защиты прав интеллектуальной собственности//Журнал российского права. 2013. № 12. С. 122.

⁵ Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2011. С. 282.

⁶ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права// Журнал российского права. 2002. № 11. С. 5.

⁷ Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 9 декабря 2010 г. Документ прекратил действие с 1 января 2015 г.

⁸ Абдуллин А.И. Указ.соч. С.8.

разийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).

Региональный или интеграционный принцип исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности – своего рода компромисс между территориально ограниченным правом интеллектуальной собственности и максимально допустимой свободой движения товаров, содержащих интеллектуальную составляющую. При этом следует признать, что в чисто экономические по своей природе отношения по использованию исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности современная политическая обстановка вносит свои коррективы в части правоприменительной практики. Глобализация мировой торговли и введение санкционного режима в отношении нашей страны вновь сделали актуальными проблемы параллельного импорта. Согласно позиции Конституционного суда Российской Федерации исчерпание в данном случае выступает в качестве правового ограничения легальной монополии на использование исключительного права на товарный знак. Высший судебный орган не исключил потенциальную возможность правообладателя недобросовестно использовать исключительное право на товарный знак и ограничивать введение в оборот посредством ввоза на внутренний рынок России товаров, маркированных товарным знаком⁹.

В-четвертых, учитывая, что защиту прав на объекты интеллектуальной собственности можно условно разде-

лить на защиту на внутреннем рынке, защиту на внешних рынках и защиту при трансграничном перемещении товаров, последний аспект защиты, как правило, унифицируется в первую очередь с образованием таможенного союза, предшествующего союзу экономическому. В рамках евразийской интеграции это связано с принятием Таможенного кодекса Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 17, в котором содержалась глава 46, посвященная мерам, принимаемым таможенными органами государств-членов в отношении товаров, обладающих признаками контрафактных.

Анализ ее положений подтверждает тезис о существенном влиянии международных стандартов на интеграционное законодательство. Значительная часть правил так называемой таможенной защиты была основана на нормах Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Данное соглашение вступило в силу для России 22 августа 2012 г., но фактически его положения начали применяться раньше в связи с инкорпорацией его принципов и правил сначала в законодательства государств – членов евразийской интеграции, а позже – в евразийское законодательство.

Следует отметить, что в формируемых механизмах трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности не все складывалось ровно и без проволочек. Так, инструмент единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности на уровне всех государств-членов, ведение которого установлено Таможенным кодексом Таможенного союза, фактически не функционирует. Связано это с рядом обстоятельств, одним из которых является проблема так называемых бывших советских зна-

⁹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ».

ков. Несмотря на то, что в Таможенном кодексе Таможенного союза проблемы внесения подобных товарных знаков в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств – членов Таможенного союза были частично решены введением возможности представительства от имени всех законных правообладателей, в данный реестр не включено ни одного объекта интеллектуальной собственности, хотя процедурные вопросы подобного включения урегулированы на уровне ЕАЭС¹⁰.

В-пятых, существенной закономерностью развития института интеллектуальной собственности в условиях экономической интеграции является генерация рынка интеллектуальной собственности наряду с естественным формированием единого экономического рынка. Применительно к евразийскому рынку интеллектуальной собственности ученые указывают на такие его свойства как монополизированность, глобализированность, цикличность развития, опережающее развитие в сравнении с иными видами деятельности, низкий уровень конкурентоспособности с аналогичными рынками в мире¹¹.

В-шестых, развитие института интеллектуальной собственности в условиях формирования единого экономического пространства, как правило, сочетает две традиционные формы правовых интеграционных процессов: гармонизацию и интеграцию как вари-

анты сближения правовых механизмов охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. В каких-то случаях их можно дифференцировать, в том числе и по источникам регулирования (директивы и регламенты ЕС), в других вариантах грань между ними тонка, подвижна и не поддается четкой фиксации (так, в Договоре о Евразийском экономическом союзе сочетаются нормы, гармонизирующие и унифицирующие правила в соответствующей сфере). При этом ученые, исследующие проблемы гармонизации и унификации права интеллектуальной собственности в ЕС, справедливо обращают внимание на то, что причиной этих процессов явилась не сама проблема повышения эффективности правовой охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, а потребность в оперативном создании единого внутреннего рынка интеграционного образования, в орбиту которого были бы включены и объекты интеллектуальной собственности¹².

В-седьмых, развитие института интеллектуальной собственности в условиях формирования и функционирования межгосударственных образований на экономической основе связано прежде всего с обеспечением публично-правовых интересов в сфере интеллектуальной собственности. Институт интеллектуальной собственности, частноправовой по содержанию, закономерно развивается в контексте генерации единого рынка в направлении доминирования учета, обеспечения и полноценной защиты публичных прав участников отношений в области создания и использования объектов интеллектуальной собственности. В этой связи есть основания говорить об определенной модели соотношения частных

¹⁰ Соглашение о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств – членов Таможенного союза от 21 мая 2020 г.

¹¹ Яковец Ю.В. Закономерности, парадоксы и перспективы мирового, евразийского и российского рынков интеллектуальной собственности/В сб.: Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынков интеллектуальной собственности/Под ред. Ю.В. Яковца. М., 2013. С. 4–5.

¹² Абдуллин А.И. Указ. соч. С. 21.

и публичных интересов в функционировании института интеллектуальной собственности в условиях экономической интеграции. Все закономерности развития института интеллектуальной собственности в контексте экономической интеграции в той или иной мере отражают противоречие между территориальной ограниченностью института интеллектуальной собственности и развитием (обеспечением) общекоммунарных принципов экономического объединения государств (конкуренция, свобода движения товаров, оказание услуг и др.).

К особенностям развития института интеллектуальной собственности в различных моделях экономической интеграции следует отнести:

специфику нормативно-правовой регуляции в данной сфере (модельные законы, нормы «мягкого права», установление единых принципов регулирования и др.);

роль судебных органов в развитии рассматриваемого института;

уровень правовой и экономической активности, инициативности авторов и иных правообладателей;

особенности предшествующей истории развития государств – членов интеграционного образования (проблема бывших советских товарных знаков);

различия в уровне национальной охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах – участниках интеграционного процесса и др.

Последний аспект применительно к евразийской экономической интеграции имеет определенные преимущества, связанные с общностью истоков правовой культуры, единством системы правовых ценностей и традиций, системой тесных связей научно-правовых

школ, совпадением содержания законодательства по большинству отраслей правового регулирования в государствах постсоветского пространства¹³.

Таким образом, следует поддерживать позицию ученых о том, что когда говорится об эффективности правовой охраны результатов интеллектуального творчества личности, необходимо признать, что ни универсальные международные соглашения, ни исключительно национально-правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности не достигают указанной цели. Решение этой проблемы лежит в плоскости активизации такого элемента полисистемного комплекса правовой охраны интеллектуальной собственности как международный региональный правовой механизм¹⁴.

Более того, все будущие инструменты и механизмы защиты интеллектуальных прав с учетом возможности генерации новых и трансформации традиционных объектов интеллектуальной собственности связаны исключительно с региональным уровнем правового и организационного регулирования. Не явится исключением, на наш взгляд, и решение проблемы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности в сети Интернет, связанное с определением юрисдикции киберпространства (или его частей), установлением и прохождением государственных/таможенных границ, решением вопросов ответственности, подсудности и др.¹⁵

Решение этих и иных вопросов призвано обеспечить уникальное соотношение международных и национальных правил в соответствующей сфере регулирования. В этой связи переплете-

¹³ Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 201.

¹⁴ Абдуллин А.И. Указ. соч. С. 4.

¹⁵ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 14.

ние национального и международного права становится все более органичным и находит отражение в подобном региональном механизме. Источником, объединяющим национальное и международное право, ученые считают суверенную волю государств согласованно решать публичные дела разного масштаба¹⁶. Таким образом, частноправовое содержание института интеллектуальной собственности в условиях экономической интеграции приобретает публично-правовые аспекты, связанные с функционированием единой экономики, развитием конкурентных отношений в рамках интеграционного образования, обеспечением национальной и интеграционной безопасности.

Международные интеграционные процессы свидетельствуют об усилении взаимозависимости государств – участников интеграции прежде всего в сфере экономики. В условиях цифровизации экономики, формирования и развития экономики знаний увеличиваются и ценность результатов интеллектуальной деятельности, и, соответственно, масштабы их использования в современном мире. Специалисты в связи с этим говорят о нарастающей мировой интеграции и системности в сфере интеллектуальной собственности, выделяя феномен мировой интеллектуализации¹⁷. Региональный потенциал данного феномена призван учесть историко-культурные, социально-экономические, организационно-правовые особенности конкретной экономической территории и использовать их для полноценной и эффективной охраны и защиты результатов человеческой мысли.

¹⁶ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 3.

¹⁷ Леонтьев Б.Б. Источники интеллектуальной собственности/В сб.: Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынков интеллектуальной собственности/Под ред. Ю.В.Яковца. М., 2013. С. 19–20.

Список литературы

1. Абдуллин А.И. *Право интеллектуальной собственности в Европейском союзе: генезис, унификация, перспективы развития: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М., 2006.*
2. Агамагомедова С.А. *Взаимовлияние международного и национального права в сфере трансграничной защиты прав интеллектуальной собственности//Журнал российского права. 2013. № 12.*
3. Гаеврилов Э.П. *Патенты на изобретения в странах Таможенного союза в аспекте международного частного права//Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2014. № 1.*
4. Леонтьев Б.Б. *Источники интеллектуальной собственности/В сб.: Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынков интеллектуальной собственности/Под ред. Ю.В.Яковца. М., 2013.*
5. Марченко М.Н. *Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2011.*
6. Тихомиров Ю.А. *Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права//Журнал российского права. 2002. № 11.*
7. Хабриева Т.Я. *Правовая система Российской Федерации в условиях международной интеграции//Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 3.*
8. Яковец Ю.В. *Закономерности, парадоксы и перспективы мирового, евразийского и российского рынков интеллектуальной собственности/В сб.: Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынков интеллектуальной собственности/Под ред. Ю.В.Яковца. М., 2013.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 13 октября 2020 г. № 1676

О внесении изменения в Положение о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора

В соответствии с пунктом 1 статьи 1366 Гражданского кодекса Российской Федерации Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Дополнить Положение о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора, утвержденное

постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 941 «Об утверждении Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2008, № 51, ст. 6170; 2011, № 39, ст.

5487; 2013, № 47, ст. 6106; 2016, № 13, ст. 1844; 2017, № 40, ст. 5856; 2020, № 23, ст. 3681), пунктом 19(1) следующего содержания:

«19(1). При наличии в заявке на выдачу патента Российской Федерации на изобретение, поданной заявителем, являющимся единственным автором изобретения, испрашивающим выдачу патента на свое имя, заявления, предусмотренного пунктом 1 статьи 1366 Гражданского кодекса Российской Федерации, заявитель освобождается от уплаты пошлин, предусмотренных подпунктами 1.1, 1.5, 1.6.1, 1.6.2, 1.9.2,

1.13, 1.14, 1.15.1–1.15.3, 1.16.1, 1.16.2, 1.18, 1.19.1, 1.21.1.1–1.21.1.3 и 1.24–1.27 приложения № 1 к настоящему Положению, в отношении заявки на выдачу патента Российской Федерации на изобретение и в отношении патента, выданного по этой заявке, по первым десяти заявкам, содержащим такое заявление, поданным в течение года.»

2. Настоящее постановление вступает в силу с 30 октября 2020 г.

**Председатель Правительства
Российской Федерации
М.МИШУСТИН**

УСПЕХ РОССИЙСКИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

Всемирный изобретательский форум завершил свою работу 15 октября 2020 г. О событии рассказывает представитель исполнительной дирекции международного инновационного клуба «Архимед».

В форуме приняли участие изобретатели из 25 стран Европы, Азии, Африки и Америки. Российские участники, среди которых Дальневосточный государственный медицинский университет, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева, СТАНКИН, 16 ЦНИИ Министерства обороны Российской Федерации, Кубанский государственный университет, Волгоградский государственный аграрный университет, Московский политехнический университет, Тверской государственный медицинский университет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ООО «Терабиотикс», завоевали 10 серебра-

ных и 24 золотых медалей. Решением международного жюри присуждены:

Гран-при форума – Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету,

медаль «За лучшее изобретение» Международной федерации ассоциации изобретателей – Тверскому государственному медицинскому университету за проект «Способ выполнения онкопластической резекции молочной железы при центральной и медиальной локализации опухоли»,

специальный приз «За лучшее изобретение в сфере научно-технического творчества молодежи» – Малой академии наук (Республика Крым),

специальные призы форума – Волгоградскому государственному аграрному университету и Кубанскому государственному университету «За комплекс представленных проектов».

Поздравляем победителей, желаем им новых творческих свершений и реализации задуманных планов.

ПОДПИСКА ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

ПАТЕНТЫ И ЛИЦЕНЗИИ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА

Издание	Назначение платежа	Периодичность выхода	Подписная цена, руб.		
			1 мес.	6 мес.	12 мес.
ПАТЕНТЫ И ЛИЦЕНЗИИ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА	Подписка на 2021 г.	1 раз в мес.	1200	7200	14400

ООО «Редакция «Патенты и лицензии»
ИНН 7705037588, КПП 770501001,
р/сч 40702810838310102773, к/сч 30101810400000000225,
БИК 044525225, ПАО «Сбербанк» г. Москва
ОКАТО 45286560000, ОКВЭД 22.13, ОКПО 40128193

Поставщик **ООО «Редакция «Патенты и лицензии», ИНН 7705037588, КПП 770501001,**
(Исполнитель): **115035, г. Москва, Раушская наб, д. № 4/5, стр. 1, тел. (495) 959-32-90**

№	Товары (работы, услуги)	Кол-во	Ед.	Цена	Сумма
1	Подписка на журнал «ПАТЕНТЫ И ЛИЦЕНЗИИ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА» на 1-е полугодие 2021 г.	6	шт.	1200,00	7200,00

Итого: **7200,00**
Сумма НДС: **-**
Всего к оплате: **7200,00**

Всего наименований 1, на сумму 7200,00 руб.

Семь тысяч двести рублей 00 копеек

Внимание!

Оплата данного счета означает согласие с условиями поставки товара.

При оплате счета укажите в платежном поручении в графе «Назначение платежа»: название издания, срок подписки, полный адрес доставки (с индексом) и телефон вашего предприятия (с указанием кода города)

Руководитель

Бухгалтер

Кузнецова Н.П.

Чунина И.А.